

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Вячеслав СИЗОВ

МЫ ИЗ БРЕСТА

Штурмовой батальон

Вячеслав Николаевич Сизов
Мы из Бреста.
Штурмовой батальон
Серия «Мы из Бреста»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17358637

*Мы из Бреста. Штурмовой батальон / Вячеслав Сизов: Яуза, Эксмо;
Москва; 2016*

ISBN 978-5-699-86623-6

Аннотация

НОВЫЙ военно-фантастический боевик от автора бестселлеров «Мы из Бреста. Бессмертный гарнизон» и «Мы из Бреста. Рейд выживших». Новые боевые приказы для нашего современника, заброшенного в 1941 год и спасшего гарнизон Брестской крепости от гибели в окружении. Совершив рейд по немецким тылам, штурмовой батальон «попаданца» прорывается через линию фронта к своим.

После встречи с Берией и Судоплатовым принято решение о создании на базе батальона Учебного центра по подготовке штурмовых, егерских и снайперских подразделений и о запуске в массовое производство новых видов вооружений – РПГ, модернизированных танков, броненагрудников, глушителей и т. п.

И в разгар Битвы за Москву эта обученная по стандартам XXI века «панцирная пехота» брошена в бой, чтобы изменить ход войны...

Содержание

Пролог	7
Глава 1	11
Глава 2	24
Глава 3	34
Глава 4	48
Глава 5	61
Глава 6	69
Глава 7	89
Глава 8	96
Глава 9	106
Глава 10	120
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Вячеслав Сизов

Мы из Бреста.

Штурмовой батальон

© Сизов В. Н., 2016

© ООО «Издательство «Яуза», 2016

© ООО «Издательство «ЭКСМО», 2016

* * *

*Тамбовский волк, в ночи летящий
По непролазной, дикой чаще,
Куда стремишься, зверь лесной? —
Нет рядом никого с тобою.
Куда летишь ты, сна не зная?
Наверное, судьба такая —
Стремиться вдаль без остановок
В жару, и в дождь, и в лютый холод.
Бежать без усталы и быстро,
Все догоняя свет лучистый
От заходящего светила, —
За что судьба нас невзлюбила?
Все дальше вдаль стремишься ты.
Бежишь в покрове темноты,
Могучий зверь с душою тонкой.
Не знаешь ты о славе звонкой,
Все дальше улетаешь ты*

*К обратной стороне Луны.
Все дальше от людей жестоких,
В лесах тенистых и далеких,
Скрываешься ты ночью, днем —
Нет рядом никого кругом.
Тамбовский волк, в ночи летящий,
Ты призрак или настоящий?*
Алексей Анцифиров (г. Мичуринск)

Пролог

Аккуратно поправив на спящей Елене шинель и плащ-палатку, Горохов поднялся с земли. Предутренние сумерки окутывали сосновый лес. Тут и там, накрывшись шинелями и плащ-палатками, спали бойцы. Только часовые одиноко прохаживались около повозок и лошадей. Пора было будить поваров и ездовых. Скоро подъем, надо будет народ горячим накормить. Хорошо еще, что три дня назад удалось захватить у немцев пять грузовиков тыловой колонны, часть из них была с продовольствием, а то пришлось бы переходить на подножный корм. У большинства в сидорах только по неприкосновенному запасу и осталось. Его на сутки максимум можно было бы растянуть. Народ молодой, горячий. Привык на усиленном пайке сидеть. А где его в лесу найдешь? Только у немцев. Наши, отступая, многое оставили. Особенно оружия и боеприпасов, чуть ли не на каждой поляне находим – класть уже некуда. А вот продовольствие мирное население по домам растащило. Ладно бы просто растащило и употребило в дело, так нет же, угробило половину. Нет чтобы аккуратно и бережно взять мешок, отнести домой и там спрятать от греха подальше. Так ведь специально вскрывали мешок посередине, половину высыпали на землю и уже оставшееся несли домой. В Осиповичах и Бобруйске какие склады были с продовольствием!.. Как пленный

немецкий тыловик их расписывал – слюнки текли. Так ведь наши же пейзажи их растащили, а что не смогли унести, на землю рассыпали. И ведь не собрать у горожан то, что они утащили. Немцы на свои склады завезли совсем мало. Так, чуток. Разве этим тридцать тысяч доходяг накормишь. На один перекус! Но накормили. По чуть-чуть, понемногу. Чтоб животом не особо маялись. Кого бульончиком отпаивали, кого чем покрепче. Многих в лазарет пришлось укладывать. Одни кости да кожа! Какой им фронт и немцы, у врачей бы выжить. Наши-то вон какие орлы! Все откормленные да сытые. А что продуктов для парней было жалеть? Кому добавки хотелось, всем давали. Не то что в последние дни. Вроде и народа-то в строю осталось всего две сотни человек. И раненых еще с полсотни. Да вот накормить их стало проблемой. Запасы, собранные по разным аэродромам и разгромленным гарнизонам, остались далеко позади, а складов, набитых под завязку продовольствием, под боком нет. Только с колес, если разведка сможет у немцев отбить или где в селах найдет. Но с тем и с другим проблема. У крестьян брать нечего, да и командир запретил. Народу в оккупации тяжело будет жить. Ну а немцы в последнее время без большой охраны не ездят. Только колонной по пяток машин и более, в сопровождении бронетранспортеров с пехотой. Тут по лесам нашего народа хватает, и вояк, и гражданских. Не все они спокойно к линии фронта идут или прячутся от всех. Постреливают. Вчера вот нам засаду испортили.

Шла колонна груженных подвод. Ее с тыла ждали, а она со стороны фронта появилась. Решили пропустить, другую подождать. Охраны-то у колонны всего два десятка пентюхов. Мы бы ее по-тихому взяли. Так нет же. Левые ухари из леса ее обстреляли и вспугнули ездовых. Те и устроили шум и гам на весь лес. На шум слетелось воронье на мотоциклах с пулеметами. Пришлось помогать парням выпутываться из ловушки. Вступить в бой. Жечь патроны. А прибýtка-то три пулемета – два из них «дегтяри», – два десятка карабинов, чуток патронов и гранат, ну и повозки, конечно. Лошади и повозки опять-таки наши. Трофейные. В повозках груз тоже трофейный – вещевка: шинели, бушлаты, плащи, форма и сапоги. Разведчики себе тоже кое-что подобрали – пару мотоциклов и немного бензина. Ухари, что первыми открыли стрельбу из леса, так и не появились. Может, просто испугались и сбежали. Пришлось и нам менять место засады, но больше в этот день так ничего и не удалось захватить. Танки, машины и пехота толпами к линии фронта пошли. Вот и пришлось с полупустыми руками в лагерь возвращаться. Командир по этому поводу ничего не сказал. Похвалил за трофеи. Он вообще в последние дни озабоченный ходит. И было от чего. Связь с командованием только настроили, так пришлось отдавать окруженцам в Слуцке. Им важнее. Радиостанцию во время боя уничтожили, а новой пока не нашли. Так что о связи с командованием и «Слуцкими сидельцами» можно только мечтать. Козлов с бронегруппой,

артиллеристами и остальными в Бобруйске остался. Там же и госпиталь с большой частью тыловой колонны. Сашка Могилович объявился и почти сразу же снова пропал. Командир его из Старых Дорог куда-то с новой группой бывших пленных отправил героизировать. Хорошо еще, что основная часть отряда – разведчики, егеря, пограничники и «панцерники» – все старые с нами остались. Не все, конечно. Кого-то ранили, кто-то в боях погиб. Их места проявившие себя в боях штрафники заняли. Часть взводов численно выросла. Снайпера, например. Скоро ротой будут. Командир обещал. Трудно ему с нами. Всех желательно в целости и сохранности за линию фронта вывести, а это столько забот и тревог. Одни только немцы чего стоят. Благодаря Командиру мы под Бобруйском из ловушки вырвались. Правда, обратно к своим вернуться уже не смогли. Немцы вокруг были, куда ни сунься. Да и сейчас они неподалеку расположились. Ну да не беда. Не из таких передрыг нас Командир выводил. На него вся надежда и вера. Он это знает и старается. Так что некогда ему отдыхать. За всем пригляд нужен. Вон опять со своим Никитиным по постам с проверкой собрался. Да и мне прохладиться некогда, пора людей поднимать...

Глава 1

2 августа 1941 года,

Могилевская область

Черт, как же не хотелось вылезать из-под шинели. Погреться и понежиться бы еще, но, блин, дела не дают. Надо идти посты проверять. Моя очередь, я и так в последнее время от этого уклонялся, переложив это на командиров взводов и ротных. Петрович вон тоже проснулся. За Еленой ухаживает, потеплее шинель на ней запахивает. И правильно делает. Пусть девчонка поспит. Вымоталась с ранеными. Одна на кучу раненых мужиков. Хорошо еще, что Галина в Бобруйске осталась. Еле уговорил ее и остальных девушек там при госпитале для бывших военнопленных остаться. Чуйка была, что это так просто не закончится. Слишком уж мы засветились. Слишком громко о себе заявили, разгромив гарнизоны врага и освободив несколько десятков тысяч пленных. Слишком ярко мы светились на фоне других. Даже на фоне бригады десантников, не говоря уж о наспех созданных подразделениях из бывших пленных. Слишком долго мы были сильны, удачливы и смелы. Ну кто в трезвом уме и памяти будет штурмовать крупный немецкий гарнизон меньшими силами и без подготовки? Никто! Авантюра чистой воды! А мы вот взяли и сделали. И не однажды.

Признаюсь, сначала было страшно, но потом боязнь куда-то исчезла. Испарилась, что ли. Особенно после боев в Слуцке и Бобруйске, когда мы совершили практически невозможное, разгромив в несколько раз большие силы врага. Нас опознали и приняли соответствующие меры. Бой в Химах тому подтверждение. Не стали бы немцы просто так менять свой стиль и график ведения боевых действий, бросая на убой подразделения...

Жаль, что назад в Бобруйск не прорвались. Были у меня еще планы на этот город. Да и Минск покоя не давал – зря я, что ли, туда Могилевича отправил. После переправы через магистраль Бобруйск – Могилев еще была надежда прорваться в город. Но, увы, она быстро растаяла. Двое суток, пока мы скрывались в лесу, разведчики пытались найти проход через немецкие позиции к Березине. В принципе к ней можно было подойти сразу в нескольких местах, но вот с переправой была проблема. Отступая, наши успели взорвать все мосты, наведенные немцами. Теперь линия фронта проходила посередине реки. Советские части оборонялись на западном (правом) берегу, а немцы удерживали восточный (левый) берег и контролировали реку, дороги, тропинки через болота усиленными постами, дозорами и гарнизонами ДЗОТов. Сами переправляться на западный берег они не спешили, отгоняя наши подразделения от реки пулеметным и минометным огнем. Насколько я знаю, у Бобруйской группы войск сил для прорыва через реку в этом направле-

нии не было. Бое припасов у артиллеристов откровенно мало, только те, что захватили на складах в Бобруйске. Так что рассчитывать на помощь с нашего берега не приходилось. Прорыв к реке и последующая переправа стоили бы отряду слишком больших потерь. Рисковать бойцами, оставшимися в строю, совершенно не хотелось.

На третьи сутки пришлось сниматься с места и уходить в глубь леса. Все чаще разведчикам стали встречаться немецкие цепи, прочесывающие лесные квадраты. Периодически в лесу происходили стычки немцев с казаками из кавгруппы Балицкого, пытавшимися выйти к своим. Оказать помощь нашим мы не успевали, на соединение с нами никто не вышел. Видно, шли другими тропами. Мои бойцы отдохнули, привели себя в порядок и были снова готовы идти в бой. Сидеть и ждать погоды не имело смысла. Рано или поздно кто-нибудь из немцев мог заинтересоваться, что за подразделение тут стоит, и тогда боя не миновать. Поэтому я решил двигаться к железнодорожной линии Осиповичи – Могилев и станции Елизово, хотелось навести там порядок, проведя пару диверсий. Место обещало быть прибыльным. Как-никак единственная железнодорожная магистраль снабжения 2-й танковой группы. Поезда так и шныряли туда-обратно. Но здесь нас ждал облом! Вообще немцы к охране ж.-д. линии отнеслись очень серьезно. Вся линия железной дороги усиленно охранялась, посты стояли через каждые 100–150 метров. Территория вдоль железной дороги метров на 200

была вычищена от деревьев и кустарников, через каждые 500–600 метров стояли пулеметные ДЗОТы. Все объекты были соединены между собой телефонной связью. Охрану несли чины вспомогательной полиции из белорусских добровольцев под руководством немецких солдат. Старательно и активно так несли. Чуть что – сразу стреляли в сторону леса, и практически тут же появлялся поезд охраны со своими зенитками. То же самое было и на разгрузочных площадках, не говоря уже о станции Елизово. Тут, кроме всего прочего, присутствовало несколько зенитных батарей среднего калибра. Насколько помню, к такому варианту охраны своих коммуникаций немцы пришли лишь в 1943 году, когда партизаны разгулялись на железной дороге. Высоко же оценил противник наши скромные деяния!

На линиях связи тоже особо погулять не дали. Связисты были пуганные, ходили толпой и с сопровождением из десятка злых и осторожных парней в камуфляже, с парой пулеметов в руках. Мы, конечно, не удержались и пару таких групп взяли, а потом сидели в болоте и ждали, когда их «камрады» освободят нам дорогу в лагерь. Слишком уж наследили мы! Дважды пришлось сбрасывать хвост, накручивать ножками лишние километры, устраивать минные ловушки и засады преследователям. Хорошо, что их было немного, а то приставучие – вцепились, хрен оторвешься! Зато запас патронов и гранат за счет трофеев пополнили, а то и не знаю, как бы дальше сражались. Несолоно хлебавши нам пришлось всей

толпой пробираться лесной и болотной стороной дальше на Могилевщину, где народ вроде бы должен был быть немного поспокойнее и менее пуганым. Тут удалось слегка оторваться, уничтожив вставшую на отдых маршевую роту врага, да на трассе Бобруйск – Могилев удалось отбить пяток большегрузных автомашин снабжения и штабной автомобиль с охраной на паре байков. И вновь срочно пришлось уходить в леса! Злые тут все! Приставучие! Чуть пошумишь, сразу прилетают всякие с пулеметами – стреляют, не дают насладиться возможностью нормально поживиться трофеями. Но врага понять можно. Бои тут совсем недавно прошли. Некоторые сознательные личности в советской военной форме в группе и поодиночке продолжают к фронту прорываться и по дороге немцев гнобят, но нам от этого легче не становится. За них приходится отдуваться!

Вообще история основательно изменилась. Во всяком случае, на нашем участке фронта. В известной мне истории 26 июля после 16-дневной обороны Могилев был оставлен нашими войсками. К 1 августа немцы были в Рославле и, окружив группу Качалова, принялись ее добивать. Здесь все по-другому. Согласно найденным в «кюбеле» картам и показаниям пленного, Вермахт к Смоленску еще даже не приблизился. Могилев еще держится. Его защищают 61-й стрелковый, 20-й механизированный и 4-й воздушно-десантный корпуса 13-й армии. Немцы взяли Шклов и Чериков, подбираются к Чаусам, рвутся в Горки, к Кричеву и Орше. В на-

ступлении участвуют 47-й и 46-й механизированные, 7-й, 8-й и 9-й армейские корпуса Вермахта. Им противостоят силы советских 20-й и 13-й армий, но под напором врага нашим приходится туго. На участке фронта от Жлобина до Кричева Вермахт, отражая удары 4-й и 21-й армий, перешел к обороне.

В районе Чаусы – Кричев 12-й и 13-й армейские корпуса немцев столкнулись с 28-й армией генерал-лейтенанта Качалова (104-я танковая, 145-я и 149-я стрелковые дивизии), нанесшей сильный удар и отбросившей врага на 30–50 км. «Гансы», пытаясь остановить удар, сейчас шлют туда резервы и технику. 24-й мехкорпус Вермахта, понеся большие потери в личном составе и технике, отведен на пополнение и отдых в район Быхова.

Была у меня мысль наведаться в Быхов, чтобы продолжить крушение Люфтваффе и немецких штабов. Там на аэродроме сейчас сконцентрированы 20 истребителей Me-109, все, что осталось от 51-й истребительной эскадры, которую мы в Бобруйске прижали. А рядышком парочка крупных штабов и лагерь для военнопленных тысяч на пятнадцать расположены. Но после увиденных порядков по охране тыла 2-й танковой группы пришлось от нее отказаться. Я не самоубийца! Да и войск там, у немцев, куча собралась. Они, насколько помню, ударить на юг, в тыл обороняющимся на Украине, должны. Вот и собираются с силушкой. Светиться перед ними нам противопоказано. Была бы связь

с Центром, тогда можно было бы рискнуть, авиацию вызвать, а так просто головы задарма сложим. По автомобильным дорогам тоже не позлодействуешь. Слишком много постов. Не дадут развернуться в полную мощь. Рано или поздно нас вычислят, как бы мы ни маскировались. И так сильно нашу-мели. Поэтому надо литься отсюда, и чем быстрее, тем лучше. Нельзя сидеть в одном районе, а то прижмут к болотам и раскатают в тонкий блин. Не зря говорят, что волка ноги кормят. Нужно искать другие цели и маршруты движения. Я решил идти к Шклову, ближе к линии фронта, а там уже действовать по обстановке. На фоне передвигающихся в наступлении подразделений Вермахта мы вполне можем затеряться в их толпе. Так что через пару часов ждет нас долгая дорога на северо-восток. Там хороших дорог хватает, и мы не пешком пойдем, а на транспорте с ветерком прокатимся. Избаловались мы, гуляя по вражеским тылам, привыкли с комфортом налегке передвигаться. Нет чтобы как все нормальные окруженцы тихонечко, не торопясь, пешочком по лесам и болотам идти. Нам обязательно надо нарисоваться у всех на виду – вырезая посты и небольшие гарнизоны. Если все получится, то к ночи выйдем к намеченному району. А пока пусть народ до возвращения разведки отоспится, я же разомнусь и округу посмотрю.

№ 851 267-я пехотная дивизия 1.8.41 Развед. отдел В штаб 53-го армейского корпуса

В приложении прилагается планшет с содержимым, ко-

торый был изъят со сбитого вчера после полудня самолета у вражеского летчика по фамилии Виноградов при взятии его в плен. Из записей на одной из найденных карт следует, что у летчика (младший лейтенант), очевидно, была задача установить связь с вражеским кавалерийским корпусом, ударившим с запада Глуска напротив шоссе. В имеющемся бортовом журнале (алюминиевая доска) также указан курс из Осиповичей.

К вышеупомянутому кавкорпусу, по-видимому, принадлежат 32-я, 43-я и 47-я кавалерийские дивизии. Это следует из прилагаемой записи кодирования наземных сигналов тканью. В синей тетради, кажется, находятся, кроме всего прочего, попытки дешифровки или кодирования.

Первый офицер штаба дивизии.

*** * ***

Вот чего командиру не спится? Нет чтобы проверку постов поручить другим командирам, так все сам. Как будто не доверяет им, а чего не доверять-то? Все свои, давно проверенные! Считай, вместе почти все от Бреста идем. О глупостях мирной жизни давно позабыли. Знают, что надо делать. Можно было бы и не проверять. Нет, конечно, есть отдельные индивидуумы, которые недавно к нам присоединились, но и они поводов не дают сомневаться в их сознательности. Что ж за жизнь такая! Нет, надо во взвод проситься! А то

ни поспать, ни поесть как следует не получается! Все время на бегу. То того позвать, то другое проверить. Все вокруг спят, а ты тут бегай по лесу, росу сапогами собирай. Ладно бы только я, так еще парням из охраны командира тоже бегать приходится. Владимир Николаевич к тому, что в него уже трижды стреляли, отнесся удивительно спокойно. Только и сказал: «Война, бывает». Что самое обидное, так это то, что ему ведь в спину вроде бы как свои стреляли. Из бывших пленных. Если командир к возможности погибнуть отнесся равнодушно, то парни из старой гвардии к этому делу подошли по-другому. Сержанты собрались, обсудили, что к чему, и поручили Петрищеву по-тихому выделить пару пограничников в охрану командира, чтобы всегда рядом с командиром были и его прикрывали. И это правильно!

Первый раз в Комбата стреляли в Слуцке. Тех двоих, что покушались, при задержании убили. Серега Петрищев потом разбирался, как они рядом со штабом и Командиром оказались. Парни, что «фильтр» в лагере вели, этих почти сразу вспомнили. Они «фильтр» одними из первых проходили. У лагерных ворот стояли, вот и попали в самую первую партию. В городе все еще бой шел, была острая нужда в пополнении. В подразделениях, что казармы штурмовали, потери были большие, а эти покрепче остальных, бывших в плену, выглядели. Вроде как недавно у Рогачева в плен попали, на лагерных карточках отметок никаких не было. Их и включили в штрафную роту, что комендантскую службу в горо-

де несла. Первый день они отходили нормально, не то что некоторые, сбежавшие из города ночью. Утра дождались и снова на маршрут патрулирования вышли. Старшего патруля мертвым в развалинах недалеко от Коммерческого училища нашли. Говорят, убили ударом ножа в спину. Эти, укрывшись в развалинах, из «винтарей» по Командиру, когда он у машины стоял, по паре раз отстреляться успели. Двух командиров убили, а в нашего лейтенанта так и не попали. Хотя там и расстояние-то было совсем чуть-чуть. Предателям бы бежать сразу надо было, да, видно, не все рассчитали. Как выстрелы раздались, патрули их в оборот и взяли. Недолго музыка играла, хоть и сопротивлялись они ожесточенно, все патроны сожгли. Еще двоих парней уложили. Пришлось их гранатами закидывать. На теле и в одежде у них ничего не нашли. Ни документов, ни хлебных крошек.

Второй раз стреляли в Бобруйске. Немецкий снайпер на крыше дома прятался. В штабной машине двух бойцов убил и одного из охранников тяжело ранил. Парни с бронетранспортера сопровождения вовремя сообразили и из крупнокалиберного пулемета позицию снайпера вскрыли. Он, раненый, скрыться пытался, да не успел. Пулю в шею получил.

Третий раз дело было в Химах. Желтоленточный штрафник из автомата по штабной группе стрелял. Радиста и двух связных убил, еще троих успел ранить. Но взяли «суслика». Живым, хоть и раненым. До того как немцы нас из деревни выбили, успели расспросить. Пленный особо в молчанку

и не играл. Знал, что не выживет, вот и решил все рассказать. Из кулацких недобитков оказался. Обижен был на Советскую власть за то, что лишила их семью всего, хоть она его в школе выучила, в техникуме профессию механика дала. А он ей гадил, как мог! Особо у него хорошо получалось писать доносы в НКВД на активистов и радоваться их арестам. Даже нескольких сотрудников НКВД успел оклеветать. Да кто-то в НКВД разобрался, что к чему, и вычислил доносчика. Дали срок, загремел в лагерь. Хорошо устроился. По специальности. Сидел в лагере под Барановичами, на аэродроме полосу бетонировали. Как война началась, их пешком в тыл эвакуировать пытались. Немцы быстрее оказались. Под Тимковичами к ним в плен попал. На сборном пункте немцы предложили службу, он согласился. Его немного подучили, что и как делать, да и свой опыт был. Работал в лагерях военнопленных, выявлял политработников, командиров, активистов. Выступал в качестве организатора побегов, тех, кто покупался, сдавал лагерной администрации. Немцы за это ему дополнительный паек давали, а еще обещали денег, должность в оккупационной администрации и возврат имущества. Когда в Бобруйске мы освободили пленных, попал в желтый штрафбат. Хотел вернуться к немцам. А чтобы они его не тронули, слово знал, по которому его к сотруднику Абвера должны были проводить. В Химах выдался удачный момент. Пока все к отражению атаки готовились, окопы восстанавливали, можно было незаметно в лес смыться

и там дожидаться хозяев. В окопе трофейный автомат и гранаты нашел, а по соседству разместились штабная группа с Командиром во главе и радиостанция на автомобильном ходу. И все чекисты! Вот он и решил немцам помочь, перед уходом громко дверью хлопнуть – уничтожить рацию. Тут арт обстрел и атака немцев начались. Думал, что если что, то все на немцев спишут, а он чистым останется и успеет в лес уйти. Да обсчитался. Рацию-то он повредил. По дну окопа, пока обстрел шел, почти до машины добрался и забросал гранатами. Часовой-то у машины осколком мины, что в окоп попала, убит был. Вот все и удалось. За ним не гнались. Видно, на обстрел списали. Почувяв безнаказанность, решил и по штабной группе отработать. Успел магазин по спинам разрядить. Но тут охрана его скрутила. Добили его потом, чтобы не таскать. Слово для немцев у него все же выпытали.

Петрищев сказал, что Владимира Николаевича провидение хранит. А я вот думаю, чтобы там ни говорили, Бог его хранит, а не какое-то провидение. Хранит, да еще как! Я-то точно знаю...

* * *

2 августа 1941 года по линии НКВД был отдан приказ войскам НКВД о создании секторов обороны под Москвой. В нем указывалось, что для борьбы с авиадесантами противника в Москве и Московской области необходимо создать

два боевых участка – Западный и Восточный. Граница первого – Ленинградское шоссе, по Хорошево – Мневники, река Москва до Звенигорода, Осташево, Новоалександровка. (Основные направления прикрывались войсками НКВД на Солнечногорск и Новопетровское.) Граница второго участка – левый сектор Черемушек, шоссе на Калугу, станция Серпухов и опорный пункт, создаваемый в 23 километрах южнее Малоярославца.

Глава 2

По дороге к Могилеву

Утро началось с неприятностей. Сначала Самойлов доложил о том, что за ночь умерло 4 тяжелораненых. Потом прибыли разведчики и принесли еще двоих павших. По их словам, в пяти километрах от лагеря они наткнулись на поисковую группу врага. Был встречный бой, наши задавили немцев пулеметным огнем, но двоих потеряли. Трупы удалось забрать с собой. Немцы, получив подкрепление, устроили погоню. Разведчикам пришлось делать крюк, чтобы подойти к лагерю. От преследования удалось отделаться только ловушками. Все гранаты и проволоку на них извели. Больше в лагере оставаться было нельзя. Преследователи в любую минуту могли появиться. Как бы мы ни спешили, но павших похоронили по-человечески. Да заодно гостям приготовили сюрприз. Не выбрасывать же снаряды, а так в дело пойдут. В грузовики набились, словно селедка в бочке.

На трассу Бобруйск – Могилев вышли без происшествий и двигались по ней в сторону Могилева, а затем на Бельичи достаточно быстро. Посты жандармов, стоявшие на перекрестках, нас не останавливали. А что было тормозить? Шла колонна с боеприпасами. Автомашины с одинаковыми опознавательными знаками, водители на встречную не выез-

жали, никого не подрезали, скоростной режим соблюдали, шли на установленной немецким командованием дистанции в 100–150 метров друг от друга. Да и мы набрались опыта передвижения по дорогам противника. Уже было не так страшно, как раньше. Больше боялись выдать себя стонами раненых, разговором в кузове или еще какой мелочью. Постов регулирования попало всего несколько штук в селах и у переезда через железную дорогу. А вот немецких гарнизонов в крупных селах хватало. Не было местечка, чтобы там не стоял взвод, или рота, или госпиталь врага. Так что приходилось себя вести тихо и мирно, стараясь как можно быстрее миновать населенные пункты, ища для отдыха места подальше от любопытных глаз.

В районе Лозиц разведчики, двигавшиеся впереди колонны на мотоциклах, доложили об остановившихся в полукилометре от нас пяти грузовиках и бензовозе. Сопровождали их два десятка солдат при одном офицере. Место было хоть и открытое, но довольно глуховатое. Кругом поля, до ближайшего населенного пункта несколько километров. Дорога грунтованная, неасфальтированная, приближение колонн можно было отследить по столбам поднимаемой пыли. Да и не видели в последние двадцать минут мы их. Поэтому я и решил рискнуть. Все прошло довольно гладко. На нашей стороне были внезапность и уже наработанный опыт. Взяли их тепленькими, без шума и гама. С грузом нам не повезло. В автомашинах везли запчасти и масло для 46-го моторизо-

ванного корпуса. Ну да нам не приходилось выбирать. В другое время я бы нашел грузу лучшее применение, а так пришлось искать овраг и освобождать туда часть грузовиков. Зато в освободившихся кузовах разместились куда вольготнее, чем раньше. Документы у лейтенанта были не чета нашим – подлинные. Ни один жандарм не подкопается. Колонна снабжения танковой дивизии – это вам не хухры-мухры. Изменить эмблему на наших машинах не составило труда. Белой краски было несколько банок, а из газеты вырезать трафарет и поменять мундиры минутное дело. Пока обедали, успели все привести в соответствие с трофейными документами.

Шклов и мост через Днепр мы преодолели под вечер. Зато город и оккупационный порядок посмотрели. Несмотря на наступающий вечер, в городе работали магазины, разночинный народ торговал на рынке или шлялся по улицам. Над парой зданий колыхались красные флаги с черной свастикой в белом круге. Под руководством немцев несколько сот пленных работали на ж.-д. станции. На путях пыхтело несколько паровозов. Зениток вокруг было натыкано куча. Особенно у моста через Днепр. Офицеры и солдаты поодиночке и группами спокойно, как у себя дома, ходили по улицам. Было много легкораненых. Ничего и никого не боясь, гуляли парочки, в том числе и немцы с местными дамами. Действовало офицерское казино и пара кафе. Работал полевой бордель, у подходов к которому располагался пост жандармов, проверявших у солдат документы.

Еще в Пружанах среди документов, захваченных у врага, мне принесли талончики голубого и розового цвета на часовое посещение борделя. Первые – для солдат, вторые – для унтер-офицеров. Лагерный майор тогда просветил по этому вопросу. Оказывается, немецкому солдату было разрешено 5–6 раз в месяц посетить данное заведение, кроме того, командир мог поощрить солдата, дав ему еще талон. Солдатские и унтер-офицерские бордели двигались непосредственно за войсками и размещались в населенном пункте недалеко от расположения части. Там, где дислоцировались крупные подразделения Вермахта, полевой комендант давал разрешение на открытие борделя из местных жительниц и брал на себя ответственность за его оборудование в строгом соответствии с гигиеническими стандартами. Обязательным было наличие ванных с горячей водой и санузлов, а над кроватью висел плакат, запрещающий делать «это» без средств индивидуальной защиты. Презервативами наряду с мылом, полотенцами и дезинфицирующими средствами обеспечивали врачи и фельдшеры воинских подразделений. Цены в борделе устанавливались полевым комендантом, им же определялся внутренний распорядок и обеспечивалось наличие достаточного числа доступных женщин. Разработанные в Берлине нормы выработки предписывали «домам» держать штат из расчета одна проститутка на 100 дислоцирующихся в округе солдат. Оказывается в «веселые фрау» брали далеко не каждую: проституток для Вермахта

тщательно отбирали чиновники министерства. Для офицерских борделей правила были предельно жесткие: здесь могли работать только чистокровные немки, выросшие в исконно германских землях, с хорошими манерами, ростом не ниже 175 см, светловолосые, с голубыми или светло-серыми глазами. В солдатские и унтер-офицерские публичные дома тоже попадали не с улицы: за чистотой крови фронтовых проституток следил специальный отдел этнического сообщества и здравоохранения, являвшийся подразделением гестапо. В Пружанах такой бордель был, но мы туда на экскурсию не попали. Да и в Шклове тоже не судьба.

Вообще постов и патрулей по городу хватало. Похоже, немцы, наученные нашим опытом захвата тыловых объектов и городов, решили подстраховаться. За порядком следили строго. Тут и там встречались огневые точки. Лагерь для военнопленных был вынесен за город и усиленно охранялся. На въезде в город стояли усиленные бронетехникой и обвалованными мешками с песком пулеметными гнездами посты фельджандармов. Они проверяли документы у всех, попадавших им на глаза, что военных, что гражданских. Проверялись документы и у водителей. Одиночные автомашины досматривались полностью. К автоколоннам относились более лояльно, проверяли документы только у старшего, в кузова не смотрели. К нам они претензий не предъявили и спокойно допустили в город. Мост немцам достался с большим трудом, и они потратили много сил на его восста-

новление. Предмостовые укрепления были заняты охранными подразделениями, служба ими неслась как положено. Не балуй! Все машины, подъезжающие и въезжающие на мост, брались под контроль и сопровождались пулеметами. Дежурные расчеты стояли и у противотанковых орудий. Местных жителей на мост не допускали. Только в фельдграу и с предъявлением документов жандармам. Кстати, документы проверяли только у пешеходов, автоколонны допускали к мосту без проверки. Таких колонн, как мы, ждавших своей очереди на переправу, было несколько. В машинах везли все, что хочешь. От личного состава до танков на платформах трейлеров. От нечего делать записывал номера автомашин и зарисовывал их опознавательные знаки. Из разговоров «зольдати́ков», среди которых были и «хиви», стало известно, что они загружены перевозками по самое не хочу, делая по несколько рейсов в день, и что все ждут запуска в работу ж.-д. линии Орша – Горки, где завершается восстановление пути руками военнопленных. Мимо нас в центр города прошла пара длинных автоколонн с ранеными. Переправа работала как часы. Встал в конец очереди и жди, когда регулировщики позовут. Никто никуда не спешил, не лез вперед без очереди. Да и смысла в этом не было. Все делалось довольно быстро. Без особых ЧП. Больше нескольких минут никому стоять на мосту не разрешалось. На моих глазах на мосту заглох один из грузовиков. Никто не дал водителю времени на ремонт и длительную остановку. К нему тут

же подошел жандарм, остановил встречное движение, практически сразу подъехал тягач и вытянул на берег заглохшую автомашину. Наконец и мы дождались, когда нам жандарм из роты регулирования движения разрешит пересечь мост, и спокойно двинулись на восток в направлении на Горки. «Орнунг», мать его! Как тут не печалиться?! Даже мостик не дали взорвать, гады! Пришлось на будущее затаить обиду на них за это. Сочтемся еще!

Большинство колонн шло в ту же сторону, что было нужно и нам. Правда, с наступлением темноты колонны съезжали в ближайшие деревни и застывали там до утра. Лишь несколько колонн по десятку автомашин с пехотой с приглушенным светом фар упорно продолжали двигаться вперед. Да вездесущие байкеры носились по дороге. Но вскоре и они успокоились, свернув в очередное село. Я, конечно, верю в своих водителей, но суточное напряжение и усталость могли сказаться на них. Войдя в рощу неподалеку от Оршанского шоссе, мы встали на ночевку. Где-то на юге, в стороне Могилева, гремели раскаты грома, а тут было тихо. Только обычные лесные звуки, щебетание птиц да редкое тихое позвякивание металла о металл нарушали покой леса...

Подъем был ранним. Нам стоило спешить. По сообщению часовых, ночью на дороге был шум, на восток и в сторону Шклова прошло несколько колонн, в том числе танковых и тяжелогруженных автомобильных колонн. Опять пришлось рыть могилу. Умерли еще несколько раненых. Скорее бы до

своих добратся!

Еще до восхода солнца мы тронулись в путь. Завтракать пришлось на ходу. Всюду виднелись следы боев. Обгоревшие остовы машин и танков, брошенная техника и повозки, противогазные маски, трупы людей и животных украшали окружающий пейзаж. Трасса на удивление была свободна. Ни встречных машин, ни постов жандармов и регулировщиков. Только на востоке и южнее из-за леса все громче звучали раскаты грома, хотя на небе не было ни облачка. К чему бы это? Объяснение нашлось быстро. Почти на выезде из леса нас перехватил мотоциклист, везший донесение из мотоциклетного батальона дивизии «Дас Райх» в штаб своей дивизии и заодно доставлявший пленного штабного офицера русских. Шарфюрер был из 3-й роты мотоциклетного батальона. Встретившему его Дорохову эсэсман сообщил, что русские ночью со стороны Могилева перешли в наступление, прорвали фронт и ворвались в населенные пункты Старые Чемоданы, Городищи, Княжино. Их батальон был направлен для локализации прорыва. 3-я рота вместе с минометным взводом 5-й роты, двигаясь из Фащевки, напоролась на русских у д. Старые Чемоданы и пулеметным огнем сдерживает наступление противника, пытающегося пробиться к мосту через речку Чаенку и в сторону с. Фащевки. Мост под контролем мотоциклистов. Остановить русских удастся благодаря тому, что силы русских пока незначительны. Не более батальона пехоты, закрепившегося на окраинах деревни. Со-

общил он и о том, что немецкий гарнизон в Городищах разгромлен. Остатки гарнизона и основные силы его батальона (1-я, 2-я, 4-я и 5-я роты) ведут бой за с. Городище. Силы русских в том районе оцениваются в пехотный полк со средствами усиления. Мне его доклад понравился. Грамотный и очень своевременный, с указанием позиции и сил его части. Шарфюрер так спешил сообщить сведения и помочь своим попавшим в беду камрадам, что согласился проводить нас к месту боя.

Пленный русский меня тоже «обрадовал», подтвердив все сказанное немцем. Крепкого телосложения, слегка полноватый, еще нестарый мужчина, почти без проседи в волосах, он был разговорчив. Даже слишком разговорчивым был товарищ подполковник! Без всякого напора с моей стороны рассказал о расположении известных ему частей, штабов, резервов, их численности. Поспешил он сообщить, что в наступлении участвуют 160-я и 137-я стрелковые дивизии 20-го стрелкового корпуса и 20-й мехкорпус, указал, что направление главного удара – Горки, в тыл 9-му и 46-му армейским корпусам Вермахта, с целью соединения с частями 10-й и 20-й армий и окружения Мстиславско-Горкинской группировки войск Вермахта. Так он был доволен, что попал в плен, так лебезил и восхищался немецким военным гением, что аж противно стало. Накатали воспоминания про Первую Чеченскую и аналогичную встречу под Грозным... Хорошо, что лес кругом, шоссе пустое и они нам оба были не нужны.

Опять встал вопрос – «Что делать? Куда направляться?» Нет, я рад, что фронт приблизился к нам так быстро и неожиданно. На такой подарок судьбы даже и не рассчитывал, но рвать линию фронта думал несколько по-иному – ночью и на тихом участке фронта, а тут такое. Как бы мы сами не попали под раздачу, никто ведь разбираться не будет. Что наши, что немцы. Так что надо было пораскинуть мозгами. Съехав с дороги на просеку и замаскировавшись, мы ждали результатов проверки разведкой полученных сведений. Заодно саперы Маркова готовили сюрпризы для немецких подкреплений. Тут мимо нас в сторону Городищ проскочило пять грузовиков со всякой шушерой. Оно нам надо, чтобы еще и к остальным подкрепление пришло? Нет! Вот пусть завалы да минные ловушки поразбирают, другую дорогу поищут, глядишь, усталыми под нашими пулеметами умрут. Мы спешить не будем. Подождем. Лес – он большой, и дорога через него долгая и тяжелая. Пока разберутся, что к чему, успеем свои дела сделать. Заодно народ снова переоделся, теперь уже в советскую военную форму. Надеюсь, окончательно.

Глава 3

Старые Чемоданы – Благовка

Разведка подтвердила показания шарфюрера. До роты немецких мотоциклистов действительно держали оборону напротив д. Старые Чемоданы. Они очень грамотно оборудовали свои позиции в лесополосе, у оврага, вдоль дороги и у моста. Огнем почти двух с половиной десятков пулеметов отражали все попытки нашей пехоты продвинуться вперед. Поддерживали действия мотоциклистов несколько бронетранспортеров и минометная батарея из трех 50-мм и двух 81-мм минометов. Ситуация складывалась патовая. Наши, заняв село, пару раз пытались атаковать, но с большими потерями были отброшены назад. Немцы же не обладали силами их выбить из деревни и ждали подкрепления, гася минометным и пулеметным огнем атаки советских войск. У Городищ происходило примерно то же самое. Только в качестве атакующих тут выступали немцы. В качестве усиления у них было с пяток бронемашин, три 37-мм противотанковых орудия и куча байков с пулеметами, в том числе штук двадцать из них были станковые. На поле перед селом коптели небо пара Т-26 и БТ. Видно, пытались контратаковать, да попали под огонь противотанкистов. Наши, закрепившись в селе, активно оборонялись, ведя огонь из пары минометов

и десятка пулеметов. Вот только с нашей стороны не было слышно артиллерии и танковых моторов.

Рваться к Городищам не имело смысла. У немцев там больше батальона со средствами усиления, и скоро к ним еще подойдет подкрепление. Обе стороны вцепились друг в друга крепко и надолго. Влезать нам в драку там не стоило. Чревато большими потерями. Даже если мы все будем использовать только бесшумное оружие и пойдем тихо-тихо по самому краю, стараясь не рисковать. Единственный удобный и более или менее безопасный для нас путь лежал к Старым Чемоданам. Деревня небольшая, всего пара десятков усадеб вдоль единственной улицы, немцев немного, как раз нам по силам. Как действовать и кого послать в бой, вопрос даже не стоял, – снайперов и егерей с парой пулеметов в прикрытии. Двадцати снайперам с «бесшумками» там работы на полчаса. Ну и штурмовиками потом подчистим. Атаковать будем из леса. Остальные во главе с Гороховым должны прикрывать нам тыл и минировать дороги.

После недолгой прогулки по лесу нам предстало поле боя во всей своей красе. У деревни на повороте дороги догорало три мотоцикла, лежало несколько десятков трупов как в нашей, так и в немецкой форме. В самой деревне дымила пара домов. Немцы рассосались вдоль дороги и края леса, за деревьями и кустиками. Заныкались по ложбинкам и промоинам и не спешили себя обнаруживать. Частично даже окапывались, но как-то сонно, без огонька. Изредка пострелива-

ли, гася пулеметами и минометами обнаруженные среди домов и садов огневые точки красноармейцев. Бронетранспортеры убрали подальше в кусты. Рядышком с ними собрались пара офицеров, человек шесть унтеров и солдат в камуфляжных куртках, касках и мотоциклетных очках. Один из офицеров, взобравшись в кузов бронетранспортера, через оптику изучал деревню и давал какие-то команды стоявшему на земле электрику с фонариком в руках. Минометчики, спрятавшись в овражке и прикатив тележку с бое припасами, по команде унтершарфюрера постреливали по деревне. Охранение с парой пулеметов было выслано в лес и на дороги в сторону Фащевки и Дубровки. Деловая суeta была на стоянке транспорта. Тут несколько солдат с карабинами в руках несли охрану пяти десятков мотоциклов и трех грузовиков, причем один из них был с полевой кухней, у которой копошились двое в фельдграу и белых передниках. Еще человек пять заправляли мотоциклы из снимаемых с одного из грузовиков канистр. Несколько в стороне от техники, в тени деревьев, пара солдат с белыми повязками с Красным Крестом перевязывали раненых. Делалось это под строгим взглядом художавого носителя двух маленьких серебряных звезд в черной петлице электрика. Все вели себя спокойно, уверенно и не торопясь, словно делая давно надоевшую и однообразную работу. Они явно чего-то ждали. Чего? Я думаю, те четыре десятка мотоциклистов, что на десятке трехколесных байков пошли в обход деревни с юга, или подкрепления.

Единственный вопрос, который меня заинтересовал, так это откуда в мотоциклетной роте бронетранспортеры? Насколько помню, у них в штате таких и в помине не было. Ну да ладно, нам без разницы, что в качестве трофеев получать.

Наши особой активности тоже не проявляли. Видно, в предыдущих попытках смять немцев понесли большие потери и от дальнейших атак отказались. Периодически из деревни то тут, то там били «максимы» или винтовки по обнаруженным у леса и дороги целям. Минами никого достать не пытались. То ли боеприпасы берегли, то ли минометов у них вообще не было.

Пришлось вмешаться в эту мирную идиллию. Егеря оправдали оказанное им доверие и бесшумно сняли охранение. Получив сигнал, сразу с двух сторон начали работу и мы: от стоянки техники и северной окраины леса у дороги на Городище, постепенно передвигаясь к центру позиций роты, оставляя немцев у моста на закуску. В Фашевке, кстати, громыхало, и не слабо так. Явно крупнокалиберная артиллерия работала. Немцы, правда, не беспокоились по этому поводу, а потом и вообще им не до этого стало. Успокоились... Все шло хорошо, но десятка полтора электриков под командой высокого и накачанного эсэсесмана у моста через речку, видя замирающих навеки товарищей, всполошились. Они-то нам всю малину и испортили. Зашумели. Открыли пулеметный огонь по лесу, где готовились к атаке мои штурмовики. И надо же так постараться, что смогли уложить троих бой-

цов, не успевших спрятаться за деревья. Потом еще десятых ранили и одного убили, отбивая атаку. В итоге мы все равно вышли победителями. Наши в деревне тоже не растерялись: как только немцы со стороны д. Саськовки в атаку пошли, встретили их плотным пулеметным огнем. Видно, ученые уже были, знали, что немцы любят в обход лазить. Всех не положили, но тем не менее атаку с этого направления сорвали и сами бросились в контратаку, загнав немцев в лесную чащу. Следом не пошли, вернулись к деревне.

Ну а дальше была встреча на Эльбе. С салютом из двух десятков стволов со стороны деревни по нам. Пришлось напрягать голос и вправлять мозги вольным стрелкам военноматерным языком с тремя загибами. Помогло, стрелять прекратили. Я, конечно, понимаю, что появление со стороны леса и немецких позиций нескольких десятков лохматых лесных чудищ с оружием в руках производит впечатление на нестойкие умы, но не такое же активное и шумное, чтобы встречать нас огнем на поражение. Я тоже переборщил, может, и не надо было вспоминать всех родственников стрелявших и обещать сделать с ними несуразное. Главное – встретились. Даже обняться, поругаться и морду лица начистить успели. Повторно это произошло, когда моя автоколонна втянулась в деревню. Ведь предупреждал охранение, что будет колонна трофейных автомашин, идущая со стороны Городищ, описал, как она выглядит, нет, надо обязательно пострелять и одну машину испортить. Пришлось заста-

вить этих стрелков на руках машину в деревню закатывать, а потом и разгружать. Им в качестве дополнительного наказания пришлось еще перекатывать в деревню захваченные мототрофеи. У меня ведь водителей на все не хватает. Ну и трофеями я их обделил. Каюсь! Тут стараешься, у врага технику отбиваешь, а вместо благодарности некие несознательные оболтусы ее калечат.

Сведения шарфюрера о том, что в деревне стоит батальон, подтвердились. Тут держал оборону стрелковый батальон 425-го стрелкового полка 160-й стр. див. Только вот батальон насчитывал всего две сотни активных штыков. Еще примерно столько же, только раненых, размещалось в качестве гарнизонов в Благовке и Дивново. Потому наши, удерживая захваченные деревни, и не проявляли активности, стараясь избежать лишних потерь. Батальон прикрывал левый фланг своего полка, удерживавшего за собой Городище, и обеспечивал связь с соседним, 514-м стрелковым полком, наступающим на Фащевку. Командовал батальоном мл. лейтенант Семенов, измученный бессонной ночью, с окровавленной повязкой на голове, в рваной гимнастерке и порванном галифе. Еще вчера вечером он командовал взводом, а сегодня уже батальоном. В его карьерном росте виноват был вражеский огонь, выбивший из строя всех командиров батальона. Вот и пришлось парню принимать командование и связанные с этим заботы на свои неокрепшие плечи. Делал это он, советуясь с бывалыми сержантами, ставшими в од-

ночасье взводными и ротными. Взятие Старых Чемоданов было последним успехом батальона. Прорыв линии фронта и ночные атаки на деревни отняли слишком много жизней. Хотя немецкие гарнизоны в деревнях и не были большими, но сдаваться они не спешили. Дрались до конца. Локтевая связь с соседями была утрачена. Вопрос – где находятся наши? – оставался до сих пор открытым. Хорошо, что хоть связь со штабом своего полка не потеряли. Посыльный добросовестно мотался туда-сюда, ибо других средств связи не наблюдалось. Такими же открытыми оставались и вопросы с отставшими тылами и эвакуацией раненых.

Мамлей парень молодой, толковый, вот только немного подрастерялся. Связь с соседями на флангах потерял, разведку не организовал, в бой с превосходящими силами противника ввязался. Из его рассказа выяснилось, что в деревню его рота вошла под утро без боя, стали закрепляться на достигнутых рубежах, успели оседлать перекресток дорог, выставив там отделение со станковым пулеметом. Тут со стороны Фащевки появились несколько мотоциклистов, которых срезали из «максима». Ни у кого из командиров батальона не возникло мысли, что это головной дозор большой колонны, которую не было видно из-за леса. Часть бойцов, обрадовавшись легкой победе, решили собрать трофеи, покинули позиции и вышли на дорогу. Тут их и накрыл огонь десятка пулеметов развернувшейся колонны мотоциклистов. Погибли в том числе командир роты и взводный, пытавшие-

ся вернуть бойцов на позиции. Немцы, развернувшись цепью, практически не останавливаясь под огнем взводов роты, прорвались в деревню. Но были отброшены к лесу контратакой подошедших из Дивново подразделений батальона. Бойцы же принесли весть о гибели комбата, начштаба и еще нескольких командиров в бою с еще одной колонной мотоциклистов, двигавшихся по дороге на Дивново из Саськовки. Так что стал мамлей комбатом. Атаковать немцев, закрепившихся на окраине леса, из-за понесенных батальоном потерь он не решился. Считал более важным удержать деревню за собой. Понимая, что если к врагу подойдут подкрепления, то они могут ударить во фланг полка. Все атаки немцев отбивал пулеметным огнем семи сохранившихся в ротах «максимов». О сложившемся положении сразу же доложил в штаб полка. Там обещали подкрепление и потребовали держаться во чтобы то ни стало. Часть раненых удалось эвакуировать в Благовку, где развернут полковой медпункт. Мне мамлей сразу предложил принять командование остатками батальона. Пришлось его огорчать своим отказом. Подсластив пилюлю выделением части трофеев и оказав помощь в организации обороны и разведки, зачистки леса в сторону Саськовки, откуда в прошлый раз наступали немцы.

Трофеев было много. Все не унести. Одних только пулеметов MG-34 12 штук. Да еще станковых шесть (четыре ротных и два с бронетранспортеров). Это не считая десятка затрофейенных немцами «дегтярей». Раньше, читая о снабже-

нии частей СС вооружением по остаточному принципу, не верил в это (немцы же все по единому порядку делают!), а тут увидел живую. Эсэсовцы были вооружены в большинстве своем нашим вооружением – у офицеров и унтеров автоматы ППШ и ППД, у солдат винтовки СВТ и АВС. На мотоциклах были смонтированы турели под пулеметы ДП и ДТ. А вот оптика, пистолеты и минометы были немецкие. Боеприпасы в грузовике и тележках, прицепленных к мотоциклам, были с нашей маркировкой. Вот и поделился я ими, отдав Семенову часть захваченных пулеметов и боеприпасов. Автоматы, «винтари» и минометы себе оставил, все равно его бойцы с трофейным вооружением дела не имели. Пяток мотоциклов тоже подарил. Нашлись у него люди, раньше катавшиеся на них. Пока занимались делами, в деревню прибыли особист и комиссар полка. Оказывается, мамлей был еще и оборотистым малым. Далеко пойдет, если фашисты не остановят! Я тут, понимаешь, злобствовал по поводу повреждения техники и сбора трофеев, размещения личного состава, а он без моего ведома посыльного в штаб послал.

Никакого наезда на нас со стороны прибывшего командования не было. Вышли из окружения, и слава богу! Помогли батальону разобраться с противником, поделились трофеями, молодцы! Подтвердить запись в журнале боевых действий вообще без проблем и даже полковую печать можно поставить. Особист только проверил у меня документы, поговорил с бойцами отряда и Семеновым. А вот с дальней-

шим было сложнее. Отпустить нас в Могилев они не хотели.

Полк, выполняя приказ дивизии, продвинулся вперед насколько смог, захватил ряд населенных пунктов и уничтожил гарнизоны врага, понес при этом большие потери в людях и технике. Батальоны сильно потрепаны в боях. Когда придут подкрепления – неизвестно. Тылы отстали, а у меня тут целый автопарк и куча тяжелого вооружения. То, что отряд совершил многокилометровый рейд по тылам противника, с боем вышел из окружения и бойцам требовался отдых, они понимали, но потребовали и от меня войти в их положение. Немцы усилили напор на занимаемые полком позиции, неизвестно, удастся ли их удержать. В Благовке собрано большое количество раненых, требовалась их срочная эвакуация в тыл. Имеющимися в распоряжении полка конными повозками всех не вывезти. Поэтому они и просили меня отдать под эвакуацию имеющийся автотранспорт и водителей, а самим занять оборону в Благовке. С прибытием подкреплений нас клятвенно обещали сменить и направить в Могилев. Я согласился. Но с условием, что все мои раненые поедут в госпиталь в первую очередь, тем более что они и так уже находятся в машинах. С учетом новых трофеев свободными под погрузку оставалось шесть грузовиков. Еще четыре требовалось разгрузить от боеприпасов, запчастей и ГСМ. Батальонный комиссар согласился.

Еще одним вопросом преткновения стали трофеи. Делись, и все тут! Я, честно говоря, хотел все оставшееся себе

захомячить. Не дали! Пристали с ножом к горлу и потребовали выделить еще пулеметов, винтовок и мотоциклы. Поделился, а куда деваться, свои все же. Вызвав Петровича, дал ему команду выделить что похуже. Полковым отошли десяток трехколесных и пять двухколесных байков, часть автоматов и пулеметов. Минометы и противотанковые ружья оставил себе, как и кое-что еще, о чем комиссар не знал.

Раненых в Благовке действительно было полно. Пока шла их погрузка, проинструктировал сержанта Ларина, назначенного мной командиром автовзвода, и остальных бойцов, убывающих в Могилев. Несмотря на все заверения батальонного комиссара и военврача о возврате машин назад в целости и сохранности, в том, что они вернутся назад, у меня лично было большое сомнение. Слишком они жирная цель для любого командира. Никто не откажется поиметь себе десяток большегрузных грузовиков. Вот я и инструктировал, как себя вести и что делать в таком случае. Для начала завезти в Управление НКВД по Могилевской области мой рапорт о выходе и боевое донесение. Разгрузить раненых в госпитале, не обращая внимания ни на какие стоны и приказы, вернуться назад. Если по какой-то причине сделать этого не получится, то возвращаться в Управление НКВД и ждать там дальнейших указаний.

Нам же предстояло встать в оборону села, превращая его в ротный опорный пункт. Бой на подступах в Городище не затихал. Оттуда все везли и везли раненых...

Из воспоминаний Ларина Ивана Григорьевича. В 1941 г. командира автовзвода 132-го отдельного оперативного батальона НКВД.

После почти месячного рейда по тылам 2-й танковой группы в первых числах августа батальон в районе п. Городище Могилевской области соединился с частями 160-й стрелковой дивизии. Для эвакуации раненых из п. Благовка был привлечен мой взвод, состоявший из 14 большегрузных автомашин. Так получилось, что в Благовку стали доставлять раненых и из остальных подразделений дивизии. В течение дня мы совершили три рейса в Могилев и обратно. В город везли раненых, обратно боеприпасы и подкрепления. И все это под постоянными авиа – и артиллерийскими налетами.

Последний рейс был наиболее опасным. На Шкловском направлении немцы ввели в бой танковые и моторизованные подразделения 24-го армейского корпуса, переброшенные из-под Быхова. Парировать удар войскам 13-й армии было нечем, в бой были брошены все имеющиеся резервы. Немецкие танки и мотопехота прорвали оборону соседнего с нами полка, устремились на юг и перерезали дорогу к Могилеву. Об этом нас предупредили отступающие бойцы. Свернув в лес, колонна остановилась, решая, что делать дальше. Возвращаться назад не имело смысла. На подступах к Благовке шел бой. Там наш батальон, прикрывая отход 425-го стрелкового полка, сдерживал наступление против-

ника. Погрузка раненых велась под интенсивным арт. и минометным обстрелом. Оружие было только у водителей и бойцов отделения охраны, сопровождавших наши автомашины на трофейном бронетранспортере и нескольких тяжелых мотоциклах с пулеметами. Большинство бойцов сопровождения имели ранения. При всем нашем опыте, подготовке и наличии 6 пулеметов в случае нападения врага мы бы не смогли защитить остальных раненых. Это понимали все. Попадать в плен никто из бойцов нашего батальона не хотел. Насмотрелись в рейде, что такое немецкие харчи. Хотя это и предлагали несколько раненых, поднявших бучу и агитацию. Пришлось зачинщиков приводить к порядку. Еще утром, перед первым выездом, Командир отдал мне трофейную топографическую карту. Благодаря ей удалось найти объездную дорогу, вырваться из ловушки и вернуться в город.

Дальнейшее продвижение немцев к городу удалось остановить огнем корпусной артиллерии, которая прямой наводкой бетонобойными снарядами уничтожила несколько танков; часть танков повернула на север и также была уничтожена огнем артиллерии и истребителями танков, использовавшими бутылки с горючей смесью и связки ручных гранат.

Из-за прорыва немцев под угрозой окружения оказались советские части, наступавшие на Шклов и Горки. Тем более что части 10-й и 20-й армий так и не перешли в наступле-

ние, войскам 13-й армии пришлось одним сражаться с более сильным противником, пытавшимся взять Могилев в кольцо. Под ударами врага нашим войскам пришлось останавливать наступление и снова отступить к Могилеву. Часть войск оказалась отрезанной в лесах между Городищами и Горками. Среди них оказался и наш батальон.

По возвращении в Могилев и сдачи раненых в госпиталь мой взвод был прикомандирован к областному Управлению НКВД. Еще в наш первый рейс по приказанию Командира я доставил туда его рапорт о выходе батальона из окружения, захваченные документы и карты, часть трофеев. Среди переданных трофеев были десяток тяжелых мотоциклов «Zuendapp KS 750», холодное оружие членов СС, личное оружие командира 3-й роты мотоциклетного батальона дивизии СС «Дас Райх» гауптштурмфюрера СС Кристиана Тихсена. В своем рапорте командир просил поставить личный состав батальона на довольствие, а захваченную у врага авто – и мототехнику на учет как транспорт НКВД. Мы ведь после освобождения из плена и включения в именной список личного состава батальона все стали бойцами НКВД. Именно поэтому наш автовзвод и бойцы охранного отделения были включены в подразделения охраны тыла 13-й армии. Однако пробыли там недолго. С началом боев непосредственно за город взвод и всех раненых бойцов нашего батальона с аэродрома «Луполово» эвакуировали на Большую землю.

Глава 4

Народный комиссар Внутренних дел Лаврентий Павлович Берия сидел в тиши кабинета и еще раз просматривал документы, принесенные Судоплатовым. Они касались действий 132-го батальона НКВД за последнюю декаду июля. Многое можно было бы отнести к разделу фантастики, однако заместитель командира бригады Особой группы при Наркоме полковник Третьяков, направленный в Слуцко-Бобруйскую группу войск, все видел своими глазами и подтверждал.

Кто бы мог подумать, что, вырвавшись из стен Брестской крепости, остатки батальона смогут не только пройти рейдом по тылам противника, но и создать на оккупированной врагом территории свободную от оккупантов зону. Громя аэродромы, тылы и штабы врага, освобождая наших военнопленных, отряд Седова вырос в несколько сот раз. Порой, действуя на грани фола, они совершали немыслимое. Один захват Ляховичей, Клецка, Слуцка, Уречья и Бобруйска чего стоил. Гарнизоны этих городов были в несколько раз больше, чем численность батальона, тем не менее Седов, проведя разведку, все рассчитав, рискнул и добился успеха. Ведь были попытки наших окруженных войск прорваться к линии фронта через Минск, Борисов, Несвиж, Барановичи и другие города Белоруссии, но необдуманные действия командиров и начальников лишь приводили к потерям личного состава и

техники. А освобождение лагерей военнопленных! Ведь была же информация от агентуры о месторасположении сборных пунктов и лагерей, системе их охраны, ближайших гарнизонах врага, но никто не решился на их нападение. Все ссылались на нехватку сил и средств, на нежелание самих военнопленных вырываться на свободу. Седов же, получив информацию, несмотря ни на что, выбрал несколько крупных и нанес удар. Оказалось, что охрану лагерей с десятками тысяч наших пленных несут всего несколько сот солдат врага, что при правильной организации можно снабдить бывших пленных оружием и боеприпасами, дать им возможность искупить свою вину за попадание в плен.

Опираясь на опыт действия батальона, Бригадой особого назначения НКВД была проведена операция по освобождению пленных в Лунинце. Еще почти семь тысяч человек влились в состав Слуцкой группы войск. Пусть не все из них сразу смогут взяться за оружие, тем не менее они сохранены для страны и армии.

Трудное время требовало специфических решений, лейтенант оказался мастером таких. Чего стоила своевременная и правильная идея создания штрафных батальонов и рот. Хорошо проработанная и обоснованная примерами, выкладками, показаниями бывших военнопленных и документами германцев, она была оформлена в виде проектов Положений о создании таких подразделений в РККА. Привлеченные к изучению этих проектов специалисты дали высокую оцен-

ку представленным документам. Сегодня они должны быть оформлены приказом Наркомата обороны.

Оправдала себя и идея формирования боевых отрядов из бывших военнопленных, служивших ранее в одной дивизии или полку. Такие подразделения требовали меньшего времени на спланирование и подготовку, более упорно и организованно сражались. Седов предложил этот же принцип перенести и за линию фронта – отправлять вышедших из окружения, отлежавших в госпиталях бойцов в те же подразделения, где они служили ранее, и по той же воинской специальности. А то все чаще встречались случаи, когда танкиста, авиаспециалиста, десантника или артиллериста отправляли в пехоту. При этом всегда ссылались на необходимость пополнения стрелковых частей. В итоге страна и армия теряла специалистов, на подготовку которых были потрачены огромные деньги и время. Так что предложение лейтенанта было очень своевременным и нужным.

Военные прокуроры, изучая присланные протоколы заседаний трибунала, созданного Седовым в отношении предателей и изменников Родины, не нашли, к чему придраться. То же самое можно сказать и о предложениях Седова о создании законов СССР – «Об инвалидах и участниках Великой Отечественной войны», «О внесении изменений в Уголовный Кодекс» и многое другое. Особый интерес вызвал проект Положения «Об оперативно-чекистском обслуживании местностей, освобожденных от войск противника». До-

вольно своевременный и необходимый документ. И когда он только мог все это разработать и понять? При том, что достоверно установлено отсутствие у лейтенанта специального юридического образования. Что тут говорить, полна Русская земля талантами и такими самородками, как Седов. Вроде и не видно их, живут как все, но случись что, их талант проявляется в лучшем свете.

Очень своевременными оказались сведения, добытые Седовым в Бобруйске, о планах немецкого командования поворота ряда частей 2-й ТГ и 2-й Полевой армии на юг в тыл нашим частям, обороняющимся на Украине, и удара 4-й танковой армии (2-й и 3-й ТГ) и 9-й Полевой армии Вермахта на Смоленск. Карта, захваченная в штабе 53-го Армейского корпуса Вермахта, оказалась для нашего Генштаба ой как кстати. Некоторые с генеральскими звездами в петлицах усомнились в ее подлинности, но последующие события подтвердили, что лейтенант был прав, настаивая на возможности такого удара. Концентрация механизированных и моторизованных войск 2-й танковой группы в районе Старого Быхова была ярким тому подтверждением. И если этот удар наши войска смогли парировать ударами армейской группы Качалова, 4-й и 21-й армий, то вот со Смоленском было не все так хорошо. А ведь представленные лейтенантом документы говорили об этом. На трофейной карте были нанесены предполагаемые удары 8-го, 9-го, 46-го и 47-го армейских корпусов на Оршу, Горки с последующим на-

правлением на Смоленск и Мстиславль. 60 дивизиям группы армий «Центр» противостояло порядка 100 дивизий РККА. Несколько дней назад немцы именно здесь ударили и прорвали фронт. Теперь командованию Белорусского, Центрального и Резервного фронтов приходилось закрывать эту дыру. У Западного фронта резервы сгорели в боях в районе Могилева, Чаусов, Пропойска, Довска и Рогачева.

Заинтересовавшись личностью Седова, Берия приказал еще раз изучить его биографию, собрать дополнительные материалы о его довоенной жизни и учебе в училище. Ничего особого в жизни лейтенанта выяснить не удалось. Все как у всех советских детей – неплохо учился в школе и военном училище, любит веселые компании, выпивает умеренно. Активный комсомолец. Очень общительный, быстро входит в доверие. Спортсмен, начитан (увлекался художественной литературой), любвеобилен. По неподтвержденным данным, крутил роман сразу с несколькими женщинами, в том числе и старше его по возрасту (по слухам, имел половую связь с женой одного из старших командиров своего училища). Направление в Зап. ОВО (опять же, по слухам) получил как раз благодаря знакомству с той дамой. Точнее, ее мужу, посчитавшему нахождение лейтенанта в Орле слишком близким для его семейного благополучия. В Бресте Седов также быстро нашел себе женщину. Даже находясь проездом в Москве, отметил. Охмурил девушку из обслуживающего персонала гостиницы, где останавливался на несколько дней. Боль-

ших знаний в юриспруденции никогда не показывал (знал только то, что давали в училище), в активной изобретательской деятельности не замечен (не считать же таковым участие в школьном авиамоделльном кружке). Нахождение в детском доме приучило его к самостоятельности и решительности. Отмечается повышенная нетерпимость к предателям и изменникам разного уровня. Дрался часто, благо силой бог не обидел, но умел себя остановить и не добивал врага. Если дружил, то верен был дружбе до конца. Ответственности и трудностей не боялся. Работал на износ и требовал этого от остальных. Особенно доставалось его подчиненным. Доносы на Седова в политотдел и в особый отдел полка сохранились. В них бойцы жаловались на особую, как им казалось, жестокость и требовательность молодого командира, его «белогвардейские» замашки и т. д., и т. д. Хорошо, что нашлись адекватные командиры и политработники, правильно разобравшиеся, что к чему.

Вся корреспонденция, направляемая Седовым и его бойцами за линию фронта, доставлялась в Москву, здесь принималось решение о дальнейшем направлении ее адресатам. Цензорами отмечалось, что по сравнению с остальными командирами Седов никогда не направляет руководству рукописные материалы, только машинописные тексты, изготовленные как минимум в нескольких экземплярах. Единственными корреспондентами, кому идут рукописные письма, опять-таки женщины. Одной из них является та самая

сотрудница гостиницы «Москва», с которой у лейтенанта намечился роман. Кроме писем, он направлял ей фото пленки. Все они изучались и просматривались. Несколько снимков с фото пленок Седова сейчас лежали в отдельной папке и должны были продемонстрировать союзникам и мировой общественности зверства немецких войск на оккупированной территории.

Лейтенант сделал очень важное дело, организовав расследование преступлений, совершенных врагом. Выполнено было грубовато, конечно, но это дело поправимое. Главное, что все зафиксировано, описано, запрототолировано. Даже активирование и опознание тел им организовано. По решению Кобы, все это будет направленно для ознакомления «Западными демократиями».

Узнав о передаче Седовым созданной им группы войск под командование генерала Константинова, Берия сначала вспылал, но потом, взвесив все «за» и «против», понял, что Седов, переложив дальнейшую ответственность за деятельность и обеспечение группы войск на РККА, поступил правильно. Несмотря на мощную авиационную поддержку и принимаемые меры, долго продержаться Слуцко-Бобруйский карман не мог. Благодаря Седову органам НКВД достались лавры победителей, а РККА остальное. Положение в районе Слуцка и Бобруйска с каждым днем ухудшалось. Немецкое командование, обеспокоенное событиями в своем тылу, бросило из резерва три пехотные дивизии для блоки-

рования и уничтожения группировки. Немцами были заняты Клецк и Осиповичи. Полностью восстановлено движение по железнодорожной линии Минск – Елизово. Однако продвигнуться дальше к Слуцку, Бобруйску и в направлении Старых Дорог они не смогли, упершись в оборону десантников и штрафных подразделений. На Барановичевском направлении под ударами 1-го кавалерийского полка СС, усиленного танками и пехотой, подразделения группы советских войск, уничтожив инфраструктуру железной дороги и мосты, отступили на заранее подготовленные позиции в пригородах Ляховичей. Прикрывшись реками Ведьда и Шевелевка, они пока сдерживают врага. Но силы не равны, и вскоре обороняющимся придется отступать к Слуцкому укрепрайону, где Константиновым на основе боевой группы 161-й дивизии была развернута новая линия обороны. На других участках линии соприкосновения с войсками противника положение было несколько лучше.

Части кав. группы Балицкого, десантники Левашова и бойцы боевой группы 121-й дивизии, пополненные бывшими военнопленными, сдерживая наступление 87-й пехотной дивизии Вермахта, продолжали удерживать позиции у ж.-д. станции Татарка, п. Ясень, плацдарм и мосты у Бобруйска.

162-я пехотная дивизия Вермахта, курсанты двух юнкерских училищ от Ивацевичей начали наступление на Слуцк. Но уперлись в необходимость восстановления мостов и переправ. лейтенант Маслов (опять же из батальона Седова)

со своей боевой группой активно им в этом мешает, устраивая из засад артиллерийским огнем переправы и устраивая минные засады на пути движения колонн противника. Сейчас бои идут в районе села Мазурки.

Тише всего в районе Ганцевичей. После рейда 2-го полка бригады Особой группы НКВД к Лунинцу, разгрома 2-го кавалерийского полка СС немецким и нашим войскам пришлось перейти к обороне и ограничить свою активность только действиями разведгрупп. Это дало возможность часть подразделений направить на другие участки обороны.

Войска 21-й армии не только не смогли пробить коридор от Рогачева к Бобруйску, но и удержать коридор к линии фронта в районе п. Паричи. 27 июля стыковые дивизии 43-го и 35-го армейских корпусов Вермахта ударами с севера и юга прорвали позиции частей 66-го стрелкового корпуса и закрыли коридор. С 30 июля на этом участке фронта наши части перешли к обороне. Сегодня ночью ударная группа генерал-майора Сидельникова, состоящая из бронегруппы Козлова, остатков штабной группы Седова, тяжелого и противотанкового артдивизионов, части боевой группы Сафонова (переброшенной из Ганцевичей), конно-механизированной группы и остатков 47-й кавдивизии, при поддержке авиагруппы Паршина должна нанести удар от Бобруйска по направлению на Паричи. Войскам 21-й армии приказано всеми силами поддержать этот удар. Надеюсь, у них все по-

лучится и прорыв удастся.

В то, что Седов погиб в бою под Бобруйском, не верилось. Утрата связи с его отрядом еще ни о чем не говорила. Отряд мог скрываться в лесах или идти к линии фронта. Именно поэтому во фронтовые 4-е отделы и подразделения особых отделов частей и соединений направлено требование немедленно сообщать сведения о вышедших через линию фронта бойцах и командирах 132-го батальона НКВД.

Из книги воспоминаний Героя Советского Союза генерала-майора авиации в отставке Паришина Григория Ивановича «Огненное небо».

...На «воздушном мосте» в Слуцк и Бобруйск было задействовано 44 самолета ТБ-3 1-го и 3-го тбап, 25 самолетов Г-2 и 30 ПС-84 Московской авиагруппы особого назначения (МАГОН), 11 самолетов Ю-52 (нашей авиагруппы). На аэродромы в Слуцке, Ганцевичах, Городищах, Старых Дорогах, Бобруйске доставлялось продовольствие, ГСМ, запчасти и боеприпасы, оттуда вывозились раненые и больные. Пилоты все время превышали нормы и брали на борт больше пассажиров, чем положено нормативами. Так, на ПС-84 вместо положенных 25 пассажиров брали по 30, ТБ-3 и Г-2—35 вместо 18. За ночь пилоты успевали по нескольку раз перелететь линию фронта. За две первые недели существования группы войск нами оттуда было эвакуировано более 5 тысяч раненых и больных.

Противник всеми силами стремился сорвать работу

«моста». На аэродромы под Минском, Барановичами и Быховом 2-й воздушный флот Люфтваффе оперативно перебросил свои истребительные части из Восточной Пруссии, Прибалтики и Польши. На наших маршрутах германским командованием было сосредоточено большое количество зенитной артиллерии. На земле и в воздухе шли тяжёлые бои. Аэродромы в Слуцке, Бобруйске, Гомеле, Шаталове, Шайковке и Смоленске постоянно подвергались налетам и бомбардировке авиацией противника. Истребители врага устроили охоту за нашими самолетами. Десятки самолетов ежедневно сталкивались в бою, защищая небо над нашими войсками и аэродромами. Не всегда с успехом для нас. Только за 30 июля 1941 г. нами от огня зенитной артиллерии и атак истребителей врага было потеряно 5 истребителей и 6 транспортных самолетов. Сказывалась слабая подготовка и малый налет летного состава. Поэтому транспортным бортам в основном приходилось действовать в ночное время. В кольцо окружения вылетали под вечер и возвращались на рассвете. Транспортники действовали мелкими группами и поодиночке. Иногда их до линии фронта сопровождали истребители. Истребители, находившиеся на аэродромах внутри «кармана», прикрывали транспортники только на взлете и во время посадки внутри кольца.

Авиачасти несли большие потери не только в боях, но и по техническим причинам. Самолеты и двигатели были из-

ношены, неоднократно ремонтированы. Нередко из-за отсутствия необходимых запчастей для самолетов, участвовавших в полетах в Бобруйск или Слуцк, их снимали с более пострадавших бортов. А потом приходилось восстанавливать растащенные машины, используя для этого остатки сбитых в боях самолетов. Много интересных технических предложений по использованию запчастей от отечественных самолетов было внесено инженерно-техническим составом, в том числе и от немецких товарищей. Так, вместо вышедших из строя германских авиадвигателей на самолеты Ю-52 устанавливали отечественные авиадвигатели М-25 или АШ-62 ИР. Резину использовали от ТБ-3 или Ли-2. Вообще Ю-52 выгодно отличался от других машин своей надежностью. Эта машина не выделялась скоростью, дальностью полета или потолком, она была немного инертна в пилотировании, но зато отличалась несокрушимой прочностью и прекрасной живучестью. Предусмотрительность конструкторов плюс традиционное немецкое качество дали отличный результат. Многолонжеронное крыло не разрушалось даже при получении значительных повреждений. Старомодное неубирающееся шасси, жесткое и прочное, идеально подходило для полевых аэродромов или случайных посадочных площадок. Управление рулями по жесткой схеме с тягами из труб большого диаметра хотя и добавляло лишний вес, но обеспечивало и большую надежность. Немецкие моторы работали как часы. Даже ес-

ли один из них выходил из строя, самолет спокойно продолжал полет на двух оставшихся. При поломке мотора мы двигатель повисал на страховочных тросах. Работать он не мог, но центровка машины при этом не нарушалась. Ю-52 лидировал по надежности планера. Механики у нас часто ограничивались обслуживанием винтомоторной группы, считая, что «планер самолета Ю-52 построен немцами прочно»...

За счет захваченных трофеев и освобожденного из плена летно-подъемного состава авиагруппа значительно увеличила свой боевой потенциал и количество. Теперь в ней числилось 130 пилотов и штурманов. На вооружении состояло 12 бомбардировщиков, 30 истребителей Ме-109 Ф-2, 16 штурмовиков, два высотных разведчика, 13 транспортных самолетов Ю-52, 7 связных «Шторьхов» и отдельная эскадрилья ночных бомбардировщиков на У-2. Часть захваченных на аэродроме в Бобруйске самолетов была передана в состав ВВС 21-й армии. Мы передали 78 самолетов, в том числе 30 истребителей Ме-109 Ф-2, 9 штурмовиков Ю-87, 3 Су-2, 6 Ил-2, 4 – И-16, 6 – СБ. Подарок был очень свое временный. К этому времени в составе ВВС 21-й армии было всего 45 самолетов. В том числе: 9-й иап (Церковье) – 15 И-16, из них 6 неисправных, 135-й ббап (Деминка) – 3 Су-2 (10 неисправных)...

Глава 5

«Что будем делать?»

– Ты, Александр Иванович, все с картами колдуешь?

– А куда от них денешься? Пытаюсь понять, что дальше делать. Как твоя поездка?

– Все хорошо. Был на станции. Раненых удалось сдать в санитарный поезд и отправить в тыл.

– Это хорошо. Одной головной болью стало меньше. Вообще это не дело, когда комиссар дивизии лично ездит сдавать для эвакуации раненых. Для этого начмед имеется.

– Самое что ни на есть комиссарское дело! Я там, на станции, кое-кого нашел. Если нальешь чая, то поделюсь с тобой радостной новостью.

– Налью, конечно. Степаныч расстарался, кипятка принес. Давай делись, что ты там нашел.

– Пополнение я там нашел. Почти полторы тысячи человек.

– Ничего себе! Да я тебе не то что чаю, водки налью за такую радостную весть! Только я не понял, откуда они появились в нашем тылу? Информации о маршевом пополнении не поступало. Давай не тяни, рассказывай!

– А рассказывать мне, товарищ командир, особо нечего. Пока с ранеными занимался, повстречался мне майор, ко-

торый пытался на станции выбить продовольствие на своих людей и связаться со штабом нашего корпуса или штабом 13-й армии. Я как раз сам хотел это сделать. Вот у кабинета коменданта станции мы и встретились. Разговорились. Майор призван из запаса и ведет из запа батальон для укомплектования 100-й стрелковой дивизии 2-го стрелкового корпуса. На станции Починок их состав попал под бомбежку. Батальон пешим порядком направили в Монастырщину с дальнейшим продвижением на Горки. Здесь на станции их должен был ждать делегат и транспорт. Они здесь кукуют вторые сутки. За ними так никто и не прибыл. Батальон стоит в лесу рядом со станцией. Никаких распоряжений не поступало. Связи с командованием нет, направленные попуткой в Горки начштаба и ротный назад не вернулись. Что делать дальше, майор не знает. Ну я и не стал скрывать от него положения на фронте. Сказал, что его дивизия вместе с нами прорывалась из окружения, и не так удачно, как мы. Возможно, она сражается в районе Могилева. Считаю, в новом окружении, так как связи с Могилевом нет. А то, что за ними никто не прибыл, может означать лишь одно: о них забыли или потеряли. И предложил присоединиться к нам.

– Ну и как?

– Согласился. Куда ему деваться! Правда, слегка покочевряжился. Пытался понять, как можно о них забыть или потерять. Пришлось объяснять, что в условиях отступления и не такие казусы происходят.

– В каком состоянии бойцы?

– Нормальном. Обмундированием и стрелковым оружием обеспечены. Тяжелого вооружения нет. Продовольствие на исходе. Ну, я и вмешался. Из того, что в наш адрес пришло, им выделил. Лагерь они в лесу подальше от дорог спрятали. Может, потому к ним так никто не попал и не нашел. Хотя от станции всего пару километров по прямой. Лагерь содержится в образцово-показательном виде. Хоть сейчас в качестве наглядного пособия используй. Народ живет в шалашах. Шлагбаумы и грибки часовых. Больных человек под сорок. Питание организовано из полевых кухонь. Есть повозки и лошади. Майор, по его словам, по дороге сюда все бесхозное и брошенное подобрал. Чтобы время даром не терять, майор с личным составом занятия устроил. Занимаются строевой подготовкой и изучением оружия. Занятия ведут те, кто раньше в армии служил. Командиры все из запаса. Многие бойцы еще присягу не приняли. На сборном пункте и в запасном полку, видно, не до этого было. Ну да это не проблема. Организуем. Там у них созданы комсомольская и партийная организации. Даже политруки назначены. Я туда наших тыловиков и строевиков отправил брать все в наши руки. Вот такие дела, командир.

– Ох, не верю я, что кто-то мог забыть о них. Не может такого быть! Должен же быть учет. На них должны были рассчитывать, не зря же их в Горки направили. Надо будет в штаб армии доложить. Жаль, если их у нас заберут! Нам бы

они ой как пригодились! Сам знаешь, что в полках, дай бог, треть личного состава осталась. А тут такая возможность пополнение получить.

– Вот то-то и оно. Давай мы не будем ждать решения командования. Сегодня же тех, кто присягу принимал, распределим по полкам. В штаб корпуса, конечно, сообщим, но попозже, когда всех распределим.

– Вот это правильно. Немцы против нас активных действий пока не предпринимают. В основном действуют их разведчики, ищут наши слабые места. Особенно на флангах. Прибытие танковых и моторизованных частей у противника не отмечается. Давят, конечно, но пока удастся их сдерживать. Нам в этом леса, болота да отсутствие хороших дорог помогают. Надо этим воспользоваться и пополнить полки личным составом.

– Призывники-то необученные. Как себя в бою поведут, неизвестно. Их бы еще погонять и подучить надо. Была у меня тут мысль – может, пока не будем их растаскивать. Оставим как есть в качестве нештатного запасного полка. По мере готовности будем отдавать людей в полки. В два-три дня, я думаю, вполне можно уложиться. Майора оставим в штабе дивизии в качестве командира нештатного запаса, остальных командиров, что у него там есть, распределим по полкам. Вакансий после боев хватает.

– Мысль дельная. Так и сделаем. Через них можно будет и маршевое пополнение, что штабом армии обещано, про-

гнать. Меня вот что беспокоит. Что мы делать будем, если немцы фронт прорвут? Потому и карту терзаю.

— И что надумал?

— А вот что! Немцы всегда действуют вокруг дорог. Поэтому после взятия Орши и ст. Горки они по шоссе на Мстиславль, Дубровно и Красный повернули. Беря нас как бы в полуокружение. Напротив нас их не так и много. В основном группы мотоциклистов и бронемашин. Заняв линию Першино — Рассвет, в наши болота пока не суются. Но это ненадолго. После оставления Орши и Красного 20-я армия сражается на подступах к Смоленску. Южнее немцы рвутся через Мстиславль на Кричев и Хиславичи. 4-я армия Рокоссовского у Мстиславля пока не дает танкам и мотопехоте врага прорваться дальше. Бои там тяжелые идут. Так что немцы будут другие пути искать, а через нас им прямая дорога на Монастырщину, Смоленск, Починок, Ельню и дальше. В случае наступления они навалятся на нас своей пехотой, артиллерией, танками и бронетранспортерами. Теми силами, что у нас есть, мы их не остановим. Кровью умоемся по самое не хочу, а приказ держаться выполнять придется. За нами, считай, до Починок никого и нет. Вот и возникла у меня мысль в нашем тылу подготовить запасные позиции, куда бы полки могли при необходимости отступить, и задержать врага. Смотри сюда. Если здесь, здесь и вот здесь на дорогах сделать засеки, как в старину делали, прикрыть их пехотой и артиллерией, то немцам там будет не пройти и не проехать.

Стволы деревьев можно проволокой связать и еще мин натывать. Даже если наши подразделения, прикрывающие засеки, сойдут, то быстро разобрать их немцы не смогут. Это даст полкам время для занятия следующего оборонительного рубежа, эвакуации населения и раненых. Правда, с артиллерией и минами плохо. Но надо поискать на станции и связаться со штабом армии, может, что найдем.

– Хорошо. Но одними засеками мы вряд ли обойдемся. Нужны еще и другие фортификационные сооружения, чтобы бойцы могли все это оборонять. Те же окопы, ДЗОТы и артиллерийские и минометные позиции. Кто все это делать будет? Из полков бойцов забирать нельзя, там и так всего по три-пять сотен человек, и надо фронт держать. А тут такой фронт работы! Одним нам его не освоить! Когда, по-твоему, надо начинать инженерные работы?

– Растешь на глазах. Из полков никого брать не будем. У нас и так на 1 километр фронта 2 пулемета с половиной орудия и 40 человек личного состава. Пополнения нет, техники тоже. Засеки делать надо прямо сейчас и не только готовить, но и еще как следует маскировать, чтобы раньше времени не раскрыть. У нас есть остатки саперного батальона, вот их и надо разбить на участки работы. Кроме того, нужно связаться с райкомом партии и райисполкомом, привлечь людей и транспорт для работ. Там в принципе ничего сложного нет. Резать стволы на высоте одного метра от земли и валить деревья в сторону врага. Наши саперы в качестве инструкторов

будут. Покажут, что к чему. Срок будет максимум два-три дня. Шанцевый инструмент есть. Чего не хватит, на станции да по предприятиям взять. Да и вообще надо будет предупредить о необходимости все, что есть на складах, раздать в части или эвакуировать.

– Разворуют же все!

– Разворуют! Но не все. Все просто не успеют, да и слишком заметно будет. Что-то обязательно для нас оставят. Ты на очистку складов наших тыловиков натрави. Они парни ушлые, все нужное найдут.

– Сделаю. Но если немцы прорвут фронт, то полки могут не успеть отступить на подготовленные позиции. Кто-то должен будет принять на себя удар вместо них?

– Должен. Твои найденыши и займутся этим.

– А как же пополнение для частей?

– Сейчас через нас пойдут те, кто будет выбираться из окружения под Горками, Оршей и Могилевом. Вот и будем их направлять в полки в качестве пополнения. Они парни уже обстрелянные, в боях побывавшие, от них пользы в полках куда больше, чем от молодняка.

– У многих из них не будет оружия. Кроме того, будут проблемы с osobистами.

– Не будут. Забыл, что мы все окруженцы? Сами только что вырвались из окружения, тем более что людей мы не в тыл отправляем, а на передовую. Если так надо проводить проверки, то пусть на передовой этим и занимаются. А на-

счет оружия... Дадим команду собрать оружие павших и все излишки в полках. Его-то и выдадим пополнению.

– Согласен. А с артиллерией что будем делать? Прикрывать засады и засеки только стрелковым вооружением будет очень сложно.

– У нас есть остатки 151-го корпусного артиллерийского полка. Как восстановим связь со штабом армии, попросим, чтобы нам нашли пару батарей из резерва. Еще, может, кто из окруженцев с собой орудия выкатит. Зенитчиков в крайнем случае в прикрытие засек поставим.

– У нас и так их нет почти, а ты их совсем свести решил?

– Нами Люфтваффе практически не интересуется. Они на Смоленск, Починок и Мстиславль, ну еще и на Шаталово метят. Так что наши зенитчики паек пока зря едят. Да и не жили мы широко, так чего привыкать?

– Вот навалятся на нас, так по-другому запоешь!

– Уже, считай, запел от нашей бедности! Деваться некуда. Надо и части прикрыть, и станцию, и район, а для этого средств не хватает. Вот и сижу, выдумываю, как это сделать.

Глава 6

Благовка – Горки

Хорошо все-таки летом в лесу. Тихо, тепло, воздух свежий. Единственное, что плохо, птиц совсем не слышно. Их двуногие своими громыхалками, разрывами, стрельбой и бензиновыми выхлопами десятков моторов,двигающихся по дорогам рядом с лесом, распугали. Вот и мы, как те птички, постарались забраться поглубже в лес, а то ездют тут всякие, а у нас патронов на всех не хватает. И чего так разбушевались? Ну, грохнули случайно генерала СС, и что такого? Ведь какой рост-то карьерный открылся! Расти не хочу! Так нет же, надо обязательно устроить догонялки с пострелюшками и обкладывать лес своими постами. А как хорошо все начиналось...

До обеда в Благовке нас никто не трогал. Из Могилева вернулась колонна Ларина, удачно сдавшая в госпиталь раненых и мое донесение в УНКВД. Я уж начал думать, что все обойдется, что нас вскорости сменят, а все мои дерганья – так это от усталости. Даже где-то глубоко в своей душе задался вопросом: чего я в народ вцепился, заставил закапываться в землю, санчасть в лес прогнал, мост через реку Чаенку в районе Старых Чемоданов заставил заминировать и под охрану взять, снайперские пары разогнал на позиции в

сторону Городищ и Старых Чемоданов? А все потому, что не нравилось мне тут! Непокойно в душе! Не нравилось, что бой в Городищах затягивался. По сообщению прибывающих оттуда раненых, немцы в село вцепились мертвой хваткой. Они получили подкрепления в виде танковой роты, мотопехоты и тяжелой артиллерии. Вот и долбили по селу, выбивая наших. Полк держался, огрызался, смог отбить две атаки и отступить не собирался. Противотанкисты, до времени не раскрывавшие свои позиции, побили четыре танка и несколько бронетранспортеров. В Старых Чемоданах было тихо. Но чуйка-то никуда не делась...

Да и не у одного меня, похоже, чуйка орала. Количество раненых на полковом медпункте все росло, сюда стали свозить народ из полков, наступавших севернее от Городищ в районе Окуневки, Слиж и Любиж. Нет чтобы везти в дивизионный медпункт в Сертиславе, расположенном недалеко от дороги Городище – Горки, а именно к нам, поближе к городу. Поэтому, отдав Ларину под раненых оставшиеся четыре грузовика, снова занялся гонением народа.

В обед в гости заглянул полковой особист. Так вроде на огонек зашел, новостями поделиться, трофеи пощупать, вдруг что обломится, мы же вроде из одной конюшни. Да вот то, что он рассказал, меня совсем не обрадовало. На всех участках соприкосновения противник получает подкрепления, в том числе и танки. Отмечена концентрация танковых и моторизованных подразделений на линии Княжицы

– Фащевка. Подразделения 514-го стрелкового полка так и не смогли взять Фащевку, кроме того, его подразделениям под ударами врага пришлось отступать. 20-й мехкорпус генерал-майора А. Г. Никитина понес большие потери и не смог выполнить поставленной перед ним задачи – прорваться к Горкам. Полк, на участке которого мы находились, пока справляется со своей задачей. Полностью блокировал движение по дороге Шклов – Горки, но имеет большие потери в людях и технике. Если немцы еще поднажмут, то имеющимися силами их будет трудно сдержать. Сообщил он и то, что ему звонили из дивизии с уточнениями по поводу нас. Правда, никакой команды в отношении нас пока не поступало. В связи со складывающейся обстановкой рекомендовал не особо рассчитывать на смену, минимум до вечера, и главное – готовиться принять бой в деревне. Если, конечно, не прибудут резервы или не поступит команда из Могилева. Все это было выдано под активную работу ложкой в котелке и быстрый перекус того, что бог послал в трофейных ранцах. Что можно было на это ответить? И так понятно, что нашим планам на спокойную жизнь в ближайшие сутки пришел конец. Вообще к неприятностям надо готовиться заранее. Чем я и занялся. Помог мне в этом полковой тыловик, предложивший довольно интересный обмен – пара мотоциклов на четыре пароконных повозки и пять трофейных коней. Откуда он их добыл, не знаю, но предложение было своевременное. Свои-то повозки мы оставили на месте прошлой сто-

янки, понадеявшись на автотранспорт. Мотоцикл вещь, конечно, хорошая, но по лесам с ним не накатаешься, а у нас лишних хватает. На всю захваченную технику водил не хватало. Именно поэтому я с Лариным и отправил в Управление часть излишков. Еще парочку мотоциклов удалось удачно обменять еще на пару немецких конных повозок с запахом немецкого обмундирования, пяток лошадей под седлами и пару ящиков с мясными консервами, захваченных танкистами 26-й танковой дивизии. Они после обеда привезли к нам своих раненых, увидели трофеи и предложили обмен. Хорошо хоть так, а то эти «цыгане» могли и просто угнать по-тихому. Договорившись с Гороховым, они пригнали повозки и лошадей. Пока Петрович занимался меновой торговлей, остальные закапывались в землю.

Около 15 часов в небе появился немецкий авиаразведчик. Он прошел над всей линией обороны, а следом за ним заговорила немецкая артиллерия. Самое обидное было в том, что наши сталинские соколы так и не появились. А германская артиллерия работала и работала, круша оборону. С НП в бинокль было хорошо видно, как за огневым валом на Городище пошли танки – «троечки» и «четверочки» – и несколько пехотных рот. Часть пехотинцев попыталась обойти село с юга, переправившись через речку Чаенку, но, наткнувшись на наш пулеметный и снайперский огонь, откатилась назад. Попытались они воспользоваться и мостиком у Старых Чемоданов, парой танков и грузовиком с пехотой выка-

тившись на него. Теперь рассказывают о своих планах кому-то на небесах! Зря мы, что ли, немецкой взрывчаткой мост минировали. А вот в объезд им далековато будет хренашить. Так что осталась господам завоевателям одна дорога — на Городище. Вот туда они всем скопом и навалились. Наша артиллерия, до этого молчавшая, вновь открыла огонь. Парни успели подбить пяток танков и сорвали атаку, но вскоре вынуждены были замолчать под снарядами врага.

Досталось и нам. По деревне отработала крупнокалиберная немецкая артиллерия. Уж не знаю, специально или нет, но один из снарядов попал точно на стоянку мотоциклов. Мы лишились часового и восьми машин. Хорошо, что я хоть Горохова с обозом и трофеями из деревни в лес выгнал, а то было бы дело. В Благовке оставались лишь линейные взводы, разъездные мотоциклы и трофейный броневик.

Через полтора часа закипел бой в Старых Чемоданах. Немцы при поддержке артиллерийской батареи атаковали деревню танками и большим количеством пехоты. Батальон Семенова не выдержал и стал отступать. Враги попытались на их плечах ворваться и на наши позиции. Хрен им на всю шею... ПТО и станковые пулеметы никто не отменял. Оба танка и «Ганомэг», несколько десятков трупов в фельдграу остались на поле между деревнями. Умывшись кровью, немцы отказались от атаки и стали закрепляться на достигнутых рубежах, отправив часть своих подразделений на Саськово.

Не успели бойцы отдышаться и прийти в себя, как из шта-

ба полка пришел приказ батальону Семенова вернуть деревню. Не знаю, чем они там думали, отдавая такой самоубийственный для людей приказ. От батальона к этому времени осталось чуть больше роты, атаковать этими силами закрепившегося в деревне противника было глупо, но штаб настаивал. Пришлось все брать в свои руки. В лоб атаковать деревню не имело смысла. В ней засело не менее роты противника. Поэтому, как и все нормальные герои, мы пошли в обход, через лес. Противник прекрасно осознавал, что мы можем это сделать, и выставил там боевое охранение. Даже в нашу сторону выдвинул разведку, но он не учел наличие моих егерей и снайперов. Закончилось все довольно быстро. Разведка была по-тихому уничтожена егерями из засады. Нечего было, как бизоны, по лесу топать! Да и не настоящее это было разведподразделение, а так, местная инициатива в количестве пяти человек. Охранение врага даже не беспокоилось. Не зря же писано, что один снайпер в состоянии решить проблему наступления противника, два – исход боя, а три-четыре снайпера могут обратить ход войны в обратную сторону. А когда их почти десяток, то вопросы снимаются с повестки дня. Дернуться успели только унтер и пулеметчик, выдавший короткую очередь в ту сторону, где ему померещился враг. Своими выстрелами они ничуть не беспокоили гарнизон деревни, там своих выстрелов хватало. Потом уже разобрались, что в это время там происходило. Егеря проверили окраину леса, вышли к деревне и в тыл обороняющим-

ся. В качестве бонуса нашли расположение артиллерийской батареи и ее КП. Пора было играть концерт! Увертюру по сигналу ракеты сыграли минометчики, а потом пошла пехота.

Остатки батальона Семенова имитировали атаку с фронта, а мои штурмовики при поддержке снайперов ворвались в деревню с юга, со стороны леса. Месиловка получилась еще та! Немцы сопротивлялись отчаянно, несколько раз пытались контратаковать. Но, упершись в плотный пулеметный огонь, откатывались назад. Никто никого не жалел. Особенно с учетом того, что в одном из сараев на окраине деревни нашли два десятка добитых немцами наших раненых. Остатки немецкой роты пытались отойти к реке и в сторону Городищ, но попали под огонь пары станкачей, установленных мной еще днем для прикрытия моста и до поры не выдававших себя.

Под наш удар попала и гаубичная батарея, развернутая недалеко от перекрестка дорог в направлении Саськовки, где шел бой. Артиллеристы и их прикрытия в виде двух пехотных отделений попытались оказать сопротивление, схватив винтовки и постаравшись развернуть в нашу сторону орудия. Зря они это! Понимаю – долг и все такое, но ведь надо и головой думать. Стали вдруг падать на землю тела с лишней дыркой в голове и врага не видно, так упали на землю, притворись мертвым или делай ноги, как это сделали несколько других камрадов, или просто руки вверх под-

нимай. Так нет же, погеройствовать захотели. А нам некогда было разбираться, кто герой, а кто привык команды выполнять. Все в одном направлении ушли... Ящики со снарядами к орудиям были сложены в стороне от позиции, как работать с орудиями, за время рейда научились. Так что по десятку снарядов на ствол смогли послать. Когда снаряды закончились, встал вопрос, что делать с орудиями дальше? Лучше всего было бы их утащить к себе, но транспорта, доставившего орудия, на месте почему-то не оказалось. Поэтому пришлось гаубицы взрывать.

К этому времени трофеи в деревне и на артпозиции были собраны, и нам пришло время помахать на прощание ручкой. Что мы и сделали, смотавшись к себе в Благовку и оставив Семенова оборонять возвращенную деревню. Оставлял я его с тяжелым сердцем. У него от батальона в строю осталась всего сотня бойцов, и помочь я ему ничем не мог. У самого на десяток раненых и два убитых стало больше. Только и смог выделить пару трофейных пулеметов с боекомплектom. Ну, еще в подбитые танки послал людей посмотреть, можно ли использовать их орудия, а если нет, то снять с них все, что уцелело, и боеприпасы с собой утащить, в качестве фугасов вполне себе подойдут. Было у меня среди бойцов несколько бывших танкистов, ставших в свое время штурмовиками. Так что у них теперь была работа по профилю.

За то время, что мы геройствовали в Чемоданах, ситуация в Городищах изменений не претерпела. Немецкая артил-

лерия все так же обстреливала село, периодически посылая свои снаряды и в Благовку. А вот меня волновал вопрос – где люфты? Мы, конечно, в ходе своего рейда их сильно проредили, но не до такой же степени, чтобы они совсем не висели в воздухе! Накаркал... Принесла их нелегкая. Три девятки бомберов в сопровождении десятка «мессеров» решило нас посетить. И так до этого все было перепахано, а тут добавили, да так, что мало не показалось. Наши «соколята» появились только тогда, когда «толстяки» уже все закончили и возвращались к себе назад. «Мессеры» активно прикрывали свои бомбардировщики и ухитрились сбить три наших истребителя, при этом сами потеряли только двоих. Наша зенитная артиллерия молчала, да и была ли она, не знаю. Лично я не видел и не слышал.

Практически сразу после налета немецкая пехота снова пошла в атаку и смогла-таки ворваться в Городище. В селе завязались уличные бои. К немецкой пехоте пришло подкрепление в виде трех танков. Наши дрались за каждый дом и улицу, но удержаться в селе не смогли и откатывались на восточную окраину. Мы помогали, чем могли. Минометчики, сменив позиции, активно забрасывали минами подходы к немцам подкрепления. Снайперы и пулеметчики тоже не сидели без дела, пытались своим огнем помешать двигаться врагу вперед. Но, увы, вскоре противник полностью овладел селом. Остатки полка, взорвав за собой мост, отошли за реку Бася в направлении Н. Вильяново. Мы то-

же взорвали мост через Чаенку и на время обезопасили свой фронт.

Ларин в очередной раз привел свою колонну, пока шла погрузка раненых, нашел меня на КП. Новостей он привез две, и обе неприятные.

1. С его слов, дорогу на Могилев стала простреливать вражеская артиллерия. Кроме того, в пути их несколько раз атаковали истребители врага.

2. Раненые, встреченные на дороге, сообщили, что немецкие танки прорвали оборону в районе Саськовки и вышли в дивизионные тылы. Идет бой за Дивново и Черепы.

Весело, что и говорить. Если дело так пойдет, то немцы нас отрежут от Могилева, и мы вновь окажемся в окружении. Сведения Ларина подтвердил и особист, прилетевший на подаренном мной мотоцикле. Его вести встревожили меня еще больше. Немцы на всех участках ввели в бой большое количество танков и мотопехоты. Наши части севернее и восточнее под ударами врага оставили свои позиции и откатываются на юг. Он просил как можно скорее эвакуировать раненых. После эвакуации раненых полковой медпункт переносился в Ордать. Мне же предстояло продолжать держать оборону тут. Вечер переставал быть томным!

Загрузив всех, кого только можно, Иван убыл. Не верилось мне, что мы тут выстоим. Силы не те. Если утром нам противостоял мотоциклетный батальон дивизии «Дас Райх», вон их «Вольфсангель» (волчий крюк) на мотоциклах красу-

ется, то после обеда тут засветились подразделения 3-й танковой дивизии. Их характерная эмблема на подбитых танках светится. Насколько я помнил, эта дивизия входила в состав 24-го корпуса Вермахта и еще 2 дня назад была под Быховом, а тут вообще-то зона действия 9-го и 46-го армейских корпусов. Получалось, что ее меньше чем за сутки оперативно перебросили на сотню километров на север и с ходу бросили в бой. Она проломила нашу оборону и стремится выйти к дороге Могилев – Дрибин. А вот интересно, одна ли она сюда прибыла или весь корпус пожаловал? Весело... Своими мыслями я поделился с особистом. Того проняло, и он резко сорвался в штаб, еще раз подтвердив приказ держаться. Вот спасибо, а то я не знал!

* * *

Чтобы окончательно решить, в каком направлении нанести следующие удары, Гитлер в сопровождении фельдмаршалов Кейтеля и Йодля 4 августа посетил штаб группы армий «Центр», расположенный в Борисове. Было проведено совещание, на которое были вызваны и командующие танковыми группами. Каждому участнику предоставили возможность по очереди высказать свою точку зрения по поводу дальнейших операций. Все генералы единодушно заявили о необходимости продолжения наступления на Москву, но Гитлер, все больше и больше бравший управление воору-

женными силами в свои руки, все еще колебался в принятии окончательного решения. Между ним и фельдмаршалом Браухичем обострились принципиальные расхождения во взглядах на дальнейшее ведение операций. Главнокомандующий сухопутными войсками, как и подавляющее большинство руководящего состава группы армий «Центр», видел главную цель в уничтожении войск Красной Армии, и самый быстрый и верный путь к этому – продолжение наступления на московском направлении.

А Гитлер все больше и больше склонялся к мысли добиться вначале решающего успеха на севере и юге. Характеризуя важность задач, стоящих перед войсками Вермахта, он отмечал, что главной целью остается овладение промышленным районом Ленинграда, затем – Харькова, и только потом следовало занятие Москвы.

В предвидении затяжных боевых действий фюрер считал, что продовольственные и сырьевые районы Украины крайне необходимы для дальнейшего ведения войны, а занятие Крыма положит конец советским авиа налетам на нефтеносные промыслы Румынии. К началу зимы Гитлер надеялся овладеть Харьковом и Москвой.

Заслушав доклад о понесенных его войсками потерях, Гитлер с горечью заявил: «Если бы я знал перед войной о силе Красной Армии, то мне было бы трудно принять решение о нападении на СССР».

Ночь прошла более или менее спокойно. Немцы закреплялись в Городищах и нас не особо тревожили. Так, периодически, ради профилактики, пускали осветительные ракеты и обстреливали наш берег из пулеметов. Мы тоже развлекались, как могли, отстреливая особо ретивых, засветившихся между домов, на дороге или на берегу. К противнику подходили подкрепления. В Старых Чемоданах тоже было относительно тихо. Немцы Семенова не тревожили. Игнорировали. Под вечер на дороге появилась их моторазведка. Издалека осмотрела деревню и укатила по своим делам. Наши наблюдатели отмечали движение колонн врага по дорогам от Фашевки на Дубровку и к Саськовке. Разведка, посланная в Дивново, подтвердила, что там немцы. Кроме того, они продвинулись еще дальше на юг и захватили Старое Займище и Ладыжено. Везде отмечалось большое количество танков, артиллерии и мотопехоты. Парни пленного унтера притащили, в ходе допроса подтвердившего сведения разведчиков. Если дело так пойдет, то мы окажемся в симпатичном таком «котле». В принципе мы уже и так в нем сидим и паримся. С трех сторон немцы, а с четвертой река. О результатах разведки сообщил в штаб полка, заодно и суточное донесение туда отвезли. Вообще у меня было ощущение, что пора делать ноги, если мы не хотим попасть в плен. Похоже, не у одного

меня были такие чувства. Парни, вернувшиеся из штаба, сообщили, что дорога из Ордати на юг забита нашими отступающими частями, в том числе и танками. Что полковой медпункт уже убыл из села. Но приказа на оставление позиций они так и не привезли. Нет, я, конечно, парень героический, но вот так «влетать» не хочу. Тыловики я еще днем загнал в лес, раненых с Лариным отправил в Могилев, надеюсь, он их довез в целости и сохранности. Теперь стоило и об остальных подумать и потихоньку присоединиться к тыловикам.

Приказ на оставление позиций и отход пришел только под утро. Посыльный из штаба полка его нам с Семеновым привез. Спасибо, конечно, но поздно! Полк уже перебрался в Ордачу, а мы все еще были на этом берегу реки Лешни, а до нее еще надо добраться и переправиться. Кроме того, надо Семеновский батальон вывозить. Пришлось мобилизовывать для этого весь подручный транспорт. Остатки батальона до рассвета удалось благополучно подвезти к переправе, а дальше уж они сами ножками. Нам же, как это ни обидно, этого сделать не удалось. Других вывезти вывезли, а вот сами не успели! С утра пораньше на нас навалились. Сначала артиллерия с минометами, а потом пехота со стороны оставленных Семеновым позиций и через речку у Городищ поперла. Выстояли. Даже по шеям надавали! Зря мы, что ли, еще с вечера у Чемоданов фугасов наставили? Да и бойцы из подбитых танков помогли. Накрыли наступающую пехоту из танковых орудий и пулеметов. Атака со стороны Горо-

дищ вообще на пародию походила. Ну кто же с ходу форсирует незнакомую реку, не восстановив моста, не найдя брода и под массированным пулеметным и минометным огнем? Безумству храбрых поем мы песню... Чаше прощальную! Вот и я о том. Потеряв тут несколько десятков человек и бронетранспортер, немцы успокоились и решили действовать в другом направлении, оставив нас пока в покое. Благодаря чему нам удалось почти спокойно отойти к лесу и скрыться в нем. О переправе через Лешню днем даже разговора не было.

Весь день мы приводили себя в порядок и разбирались с запасами. Не было у меня желания рисковать и рваться на соединение с нашими войсками, и так за сутки десять человек погибшими и двадцать одного раненым потерял. Хорошо еще, что всех раненых с Лариным отправили, а погибших в Благовке на кладбище похоронили. Из почти 250 человек, вышедших из-под Бобруйска, в отряде осталось всего 128 человек. В большинстве своем старой гвардии.

В Благовку немцы ворвались только в обед, и то после сильного артобстрела деревни. Не знаю, по кому они там стреляли, но пальба была знатная! Может, для остротки или от злости. Мы там им оставили немного подарков в виде минных ловушек. Они-то периодически и срабатывали, а нечего спешить и без инженерной разведки по позициям и остаткам деревни лазить!

Заняв деревню, в лес немцы не пошли. Ограничились вы-

сылкой авиаразведки. Самолет несколько раз пролетел над лесом и вроде бы нас не заметил. Во всяком случае, после его пролета последствий не последовало. Не зря людей учил маскироваться и прятаться в лесу! Между нами говоря, немцы правильно сделали, что не пошли следом за нами. Мы ведь без дела не сидели, еще мин навтыкали, где смогли, все равно с собой увезти не сможем, а так в дело пойдут. Оставив в деревне два десятка солдат, к вечеру противник выдвинулся к Ордати. Село наши оставили после короткого боя еще утром, и через него теперь катил транспортный поток врага. Пора и нам было собираться. Отоспались, отдохнули, пора и честь знать.

Еще засветло первыми, как колонна мотоциклетного батальона СС, в путь тронулась группа Дорохова. В нее вошли его разведчики и часть штурмового взвода. В качестве усиления с ними шел и наш единственный бронетранспортер. Группе необходимо было, преодолев по дороге Городище – Горки 21 км, добраться до лесного массива в районе населенного пункта Тимоховка, найти место для новой базы и, оставив там часть штурмового взвода, вернуться по дороге назад, нам навстречу, и, забрав очередную группу бойцов, доставить ее на новую базу.

Через полчаса после выхода Дорохова покинули гостеприимный лес и мы. По полевым дорогам вышли на трассу Городище – Горки, влившись в поток транспорта, спешащего в Горки. Своим пеше-конным видом мы подозрений не вы-

зывали. Не до нас врагу было. Все спешили как можно быстрее добраться до пунктов назначения. Бои с окруженными и отставшими подразделениями еще шли, и периодически то тут, то там вдоль трассы возникали перестрелки. Поэтому жандармы всех торопили, в том числе и нас. Мы были только «за», спешили, как могли. Дорохов встретил нас у Сертиславля. Место под базу они нашли. По дороге туда ухитрились отбить у немецких трофейщиков обоз и три десятка верховых лошадей. Забрав остатки штурмового взвода, Иван снова убыл на базу, продолжили двигаться на восток и мы. Но медленнее, чем хотелось. Впереди нас шла батальонная колонна пехотного полка. Для пропуска группы Дорохова они специально сошли с дороги и теперь, снова выстроившись в колонну, двигались на Горки. Обогнать ее никак не получалось. Хорошо еще, что в Любиже батальон остановился на отдых и мы смогли ускориться, чтобы до полуночи добраться до леса.

За Овсянкой слегка нашумели. Нам нужно было преодолеть мостик через речку Поляна, а он охранялся жандармским постом. Старший поста доколебался до Дорохова и его разведчиков. Вот чего людям надо?! Идет себе тихо и мирно колонна на восток, вот зачем надо, спрашивается, у нее документы проверять? А может, наши разведчики переиграли? Кто его теперь знает, что у жандармов был за повод? Гаишники, одним словом! Пришлось шуметь и относить шесть трупов в сторону от дороги, а мотоциклы сжигать вместе с

мостиком. Не было у меня больше водил на них, и так на те, что имелись, еле набрали. На выстрелы из села вылетела еще на паре байков подмога. Нарвавшись на пулеметный огонь арьергарда, она быстро подалась назад, оставив на дороге догорающий мотоцикл и несколько трупов. Правильно поступили. Пост уже не спасти, самим влететь можно по самое не хочу, а так живыми остались. Из Тимоховки немцы носа не высунули, ограничились усилением постов на окраинах села и парой выстрелов в нашу сторону. До леса мы добрались спокойно и без лишнего шума. Нас никто не преследовал, и правильно сделали. А то в лесу темно и страшно, зачем рисковать. Заехав в глубь леса, мы затихарились. Лес большой, если кому делать нечего, то пусть ищут. Хуже было то, что бензин заканчивался. До Горок оставалось около 20 км, а нам еще столько надо было преодолеть, чтобы прорваться в сторону Монастырщины. Захваченных запасов оставалось совсем немного, только что в баках и по канистрам.

Утром, на нашу беду или счастье, недалеко от места, где мы собирались вновь выйти на трассу, остановились проинспектировать кустики несколько бронетранспортеров и мотоциклов со знаком «волчьего крюка». Из них высыпали с десяток человек в камуфляжных куртках со знаками СС на касках, а нам как раз такого транспорта не хватало, чтобы комфортно ехать дальше. Ну и вцепились мы в них. Камрады как-никак. Бой был короткий, хоть и пришлось немного в догонялки поиграть. Часть эсэсманов дюже шустрыми оказа-

лись. Отстреливаться начали, прикрывая несколько фигур, уходящих в глубь леса. Догнали и успокоили, но и сами троих убитыми потеряли. Парни под пулеметный огонь с одного из бронетранспортеров попали. Только осмотр трупов и сбор трофеев показал, кого мы уложили. Самого командира 2-й моторизованной дивизии СС «Дас Райх» группенфюрера СС Пауля Хауссера! Жирная тушка нам попалась!

Долго наслаждаться очередной генеральской головой не пришлось. Надо было делать ноги, и чем быстрее, тем лучше, а то утро на дворе. Да и кто чужой из Горок появиться мог. Тут до города всего-то 18 километров, так что появление мотопатруля вполне было вероятно. Собрав трофеи, закинув трупы в броневики, мы двинулись в путь. Пришлось самому сесть за руль «Ганомага». Еще то, я вам скажу, удовольствие – управлять стальным гробом на гусеницах. Вскоре пришлось снова съезжать в лес. Один из бойцов не справился с управлением мотоцикла и таранил соседа по колонне. ДТП со смертельным исходом и несколькими ранеными. Пока разобрали, переносили пострадавших, потеряли темп и время. Показалась колонна врага, потом еще и еще. А тут как назло байкеры зачастили и с подозрением стали посматривать на нашу колонну. Потому я и принял решение уйти в лес, от греха подальше. Правильно, в общем, сделал, и главное – вовремя. Народ в фельдграу резко всполошился, стал злой, стреляющий по лесу чуть что. Так что мы лучше в сторонке постоим и из лесной чащи на все посмотрим. Уходить

пришлось на всех парах через Сахаровку к Городецку, не заходя в деревню, прятаться в лесной тиши недалеко от болота.

За весь день немцы так и не уgomонились. Злые они. Три раза над лесом пролетал их разведчик. Нас не тронули, во-первых, вся техника была под масксетями, во-вторых, наконец-то научились как следует прятаться, в-третьих, форма на личном составе была немецкая, да вдобавок ко всему на части мотоциклов немецкие флаги сохранились. Несколько раз их авиация в паре километров от нас кого-то бомбила. Разведчики туда смотались посмотреть, что к чему. Сказали, что немцы туда нагнали кучу техники. Да еще и народ в камуфляже прочесывание разбомбленных участков леса устроил с пострелюшками. Всех птиц распугали в округе. Я тут, может, решил личному составу нервы полечить, а они весь лечебный эффект испортили. Меня-то перстень успокаивает, а вот остальных только я и еда. Вообще жрут не переставая с утра до вечера. Проглоты! Хорошо, что хоть только воду пьют, хотя во флягах и по рюкзакам, я точно знаю, спиртосодержащие жидкости у всех есть. Но не злоупотребляют. Я по этому поводу не злобствую. На отдыхе чуть-чуть можно. А то, что едят много, так это нормально. Организм молодой, растущий, белковой массы много надо. Петрович – молодец, всех обеспечивает и необходимый запас имеет. Народ привык на стоянках бриться, мыться и приводить себя и форму в порядок. Тыловики специально готовят побольше горячей воды, чтобы на всех хватило.

Глава 7

Порядок в танковых войсках – Паричи

Командир бронегруппы 132-го батальона НКВД сержант ГБ Козлов мужественно терпел боль, пока молоденькая медсестра обрабатывала раны на голове и левой руке. Боль была не только от ран, но и от вида поля боя. На нем дымили его подбитые машины. Они победили! Но какой ценой... Из пятидесяти машин больше двух третей пришли в негодность. Пострадал даже его артштуг, шедший во второй линии. Фашисты ожесточенно сопротивлялись нашему натиску с фронта и тыла. Только прорыв танкистов и кавалеристов к штабу немецкого полка, что здесь оборонялся, и захват артиллерийских позиций вынудил немцев оставить свои окопы и отойти к Паричам. Наконец-то совместным ударом Бобруйской группы войск с тыла и 232-й стрелковой дивизии с фронта удалось пробить коридор и соединиться с войсками Западного фронта. Остатки бронегруппы совместно с кавалеристами и штрафниками блокировали немецкие подразделения, не успевшие отойти вместе со всеми, все больше прижимая их к болотам. В районе Паричей части 232-й стрелковой дивизии продолжали бой, но явно завязли в немецкой обороне. Верная самоходка на этот раз подвела, полу-

чила два снаряда. Им по сравнению с другими еще повезло, еще легко отделались. Надо поменять пару опорных катков и несколько траков, а вот часть парней и машин уже не вернуть.

В последние дни немцы из района Осипович провели несколько операций на рассечение Слуцко-Бобруйской группировки войск. Для парирования этих ударов командование все чаще использовало бронегруппу, т. к. снарядов для артиллерии, особенно крупнокалиберной, практически не осталось. Хотя и удалось отстоять свои позиции, но потери в личном составе и технике были большие. Компенсировать их было трудно. Все больше возникало проблем с запчастями, топливом и боеприпасами. Несмотря на «воздушный мост» и поставки с Большой земли по тропе через болота, утолить все запросы окруженных частей они не могли. Ремонтники старались вывести все подбитые и сломанные танки с полей сражений, благо, что для этого была специальная трофейная техника. Но не всегда это удавалось, часть подбитых машин оставалась на территории, захваченной противником. Те машины, что еще были в строю, начинали дышать на ладан.

По дороге от Бобруйска к месту сосредоточения для атаки по техническим причинам потеряли пять танков. У кого движки, у кого трансмиссия полетела. Ремрота сейчас ими занимается, но когда их введут в строй – неизвестно. Много машин потеряли уже в бою. И опять-таки не все от ог-

ня врага. Удивительно, как эти машины вообще сюда дошли. Движки и ходовая изношены. Танки неоднократно латаны-перелатаны. Экипажи – сборная солянка. Хорошо, что большая часть командиров танков и подразделений уже имеет опыт боев и эксплуатации техники. Лагерные «фильтры» продолжали присылать пополнение из танкистов, которые порой до попадания в плен ни разу не сидели в танке, не говоря уже о стрельбе из танкового орудия и эксплуатации машины. На территории Бобруйского автотракторного училища пришлось открывать ускоренные курсы подготовки механиков-водителей, заряжающих, радистов, ремонтников и механиков. Пожертвовав для них в качестве учебных пособий несколько наиболее изношенных танков, запас топлива, запчастей и боеприпасов. Инструкторами туда пошли легко раненные бойцы бронегруппы из числа тех, кто отказался эвакуироваться за линию фронта. Командование батальоном в лице старшего лейтенанта Акимова и майора Паршина принимали все меры к первоочередной эвакуации раненых из батальона. Их вывозили за линию фронта самолетами или конными повозками по лесной дороге через болота. Правда, в последнее время это стало небезопасно. Немцы для блокирования лесной дороги забросили в наш тыл диверсантов и местных, украинских и белорусских, националистов. Они все чаще нападали на колонны снабжения, значительно уменьшая и без того тонкий ручеек помощи окруженным.

Бойцы измотаны. Считаю две недели практически не вы-

лезали из боев. После пропажи штабной группы командира все подразделения батальона были сконцентрированы в Бобруйске. Благодаря этому удалось сохранить батальон как единое целое. А то были желающие растащить подразделения по остальным частям. Чего стоило использование танковых рот бронегруппы по отдельности для поддержки пехоты на Осиповичевском фронте. Еле восстановились после тех боев. Понятно, что даже единственный танк может и должен поддерживать пехоту в обороне и наступлении, но лучше, когда это делает сразу рота или вся бронегруппа. Тогда можно добиваться куда больших результатов, чем просто временная остановка врага на отдельном участке. Новый комбат старший лейтенант Акимов это понимает и отстаивает перед командованием. Требуя не растаскивать танки и бронемашину из рот, а использовать единым целым. Понятно, что командование группировки это пыталось сделать от бедности, нехватки боевой техники, вооружения и желания сementировать оборону. Но танкистам от этого не легче.

Потерь немного удалось избежать, проведя силами ремонтной роты усовершенствование танков и остальной техники. Начато оно было еще при лейтенанте Седове. На лобовую броню Т-26, которых в ротах было больше всего, по образцу немецких трофейных танков дополнительно наварили 20-мм броневые пластины. Кроме того, на борта и башни танков вешали защитные экраны, усиливали рессоры, устанавливали трофейные радиостанции, по возможно-

сти меняли оптику на немецкую. Наша-то оптика позволяет рассмотреть немецкие танки на расстоянии 800 метров, а вот немецкая видит до 2 км. Тут вон Командир давал в свое время читать немецкую инструкцию для их противотанкистов, так там было написано, что по нашим танкам с уверенностью поражения можно открывать огонь с расстояния от 1000 до 1500 метров. А нам, блин, надо подбираться на 800 метров, и то с первого выстрела не удастся поразить цель. Редко это удавалось сделать и со второго. Вообще немецкие танки оказались вполне себе хорошими. Удобными для экипажа. Особенно «троечки», которых в бронегруппе 8 штук. Для командиров взводов самое то, что надо. С командирской башенкой, хорошей связью и неплохим оружием. Главное, что командир танка не озабочен заряджанием и наведением орудия и может спокойно руководить боем. Жаль, что на наших танках этого нет. Места в башне мало и тесно. Связь плохая, а то и вообще нет. И все равно мы немцев побеждаем! Сегодня раскатали и дальше будем их бить! Вон они завоеватели, мать их через коромысло, валяются и еще больше валяться будут. Только вот починимся, соберемся и опять бить будем. Благо, ремонтники уже над подбитыми машинами колдуют, а медики раненых пользуют. Парни из ремроты не только наши машины осматривают, но и те, что тут с июльских боев остались. В основном БТ и бронеавтомобили 18-го танкового полка 32-й кавдивизии. Их тут немцы штук двадцать побили. Значительную

часть безвозвратно. Эвакуировать поврежденные машины у наших не получилось, и немцы тоже не смогли. А у нас получится! Потому что нам очень надо! Трофейные трейлеры и тягачи помогут вытащить машины из болота. Так что если парни смогут хоть пару из битых собрать, то будет в бронегруппе дополнительная техника. А экипаж на них полюбому найдем. Раненые в строй вернутся, из «фильтров» пополнение пришлют. Не зря командир говорил, что бронегруппа жива, пока есть хоть один член экипажа и мотострелок, хоть одна целая единица бронетехники или орудие. А у нас еще самоходки зенитные и бронетранспортеры в запасе имеются. Они в бой шли в третьей линии, поддерживая своим огнем танки, и практически все сохранились. После прорыва обороны немцев помогали пехоте вычищать траншеи, отражать контратаку и сейчас продолжают выкуривать врага. Так что если потребуется, то можем еще дать врагу прикурить, мало не покажется.

Оставшиеся в строю танки командование 232-й дивизии хотело себе подчинить. Но Акимов, прибывший с остальными подразделениями батальона к месту последнего боя, не дал. Сославшись на необходимость уничтожения оставшихся в нашем тылу немцев, предложил в качестве усиления отдать из резерва ударной группировки два штрафных желтых батальона. Позже в разговоре с Николаем Акимов признался, что с окруженными немцами вполне справятся кавалеристы 47-й дивизии и штрафники. Немцев осталось не более

пары разобщенных между собой рот, блокированных у края болота. А нам надо готовиться к эвакуации в тыл. Для нас рейд по тылам врага закончен. Сергей Ильич дал команду грузить подбитые машины на трейлеры и вывозить технику за линию фронта. Это же касается и всех остальных подразделений батальона, в том числе для штурмовиков из штрафного батальона. В тылу будем ремонтироваться, проходить переформирование, получать пополнение, отдыхать и ждать дальнейших приказаний. Обрадовал сообщением, что около сотни раненых бойцов из тех, кто был с Командиром в Химах, благополучно вышли на соединение с нашими войсками у Могилева. По их сведениям, Командир жив, здоров, продолжает с гвардией геройствовать в немецком тылу в том районе. Скорее бы увидеться, а то вопросов куча накопилась. При всем уважении к Акимову и начштабу капитану Алексееву, но только Седов может на них ответить.

Глава 8

Акимов

Потянувшись до хруста в спине, старший лейтенант Акимов положил на стол очередной изученный рапорт и взглянул на черновик донесения о действиях батальона после 26 июля. Работа медленно, но продвигалась вперед. Заместитель командира бригады НКВД, куда теперь входил батальон, полковник Третьяков потребовал к утру подготовить и представить проект доклада для командования Особой группы при Наркоме. Что называется, из огня да в полымя. Только и успели умыться и слегка отоспаться, как загрузили бумажной волокитой. Вот и приходится вычитывать рапорта командиров подразделений, ища для доклада необходимые сведения и стараясь никого и ничего не пропустить. Хорошо Вовке, вон по тылам немцев продолжает гулять, и никаких ему бумаг писать не надо, а тут сиди, корпи над ними. Нет, Седов, конечно, молодец, всю необходимую документацию до своей пропажи содержал в полном порядке, отчеты и доклады регулярно посылал в Москву, да и штабную группу батальона собрал неплохую. Но кто мог подумать, что штаб батальона, выводимый за линию фронта, подвергнется массивному удару с воздуха. Что в ходе бомбежки от прямого попадания в штабной автобус погибнет начштаба и часть

его сотрудников. А Акимову придется собирать штаб заново. Но ничего, выкрутились. Начштаба пришлось забирать у Козлова, ему вполне Пономарева хватит. Они вдвоем с бронегруппой справятся. Капитан Алексеев очень хорошо вписался в новый коллектив. Оставшиеся в живых бойцы штабной группы помогли разобраться с документацией, она вся уцелела, т. к. ехала в другой машине. Ничего восстанавливать не пришлось.

Вообще хорошо, что в батальоне собрались отличные люди. Все на своих местах. Один политрук Григорьев чего стоит. Дважды раненный, он лично поднимал бойцов в контратаку, когда немцы ворвались в предместье Ляхович. После боев в городе, окружения и выхода к Слуцкому УРу остатки его сводного полка слились с подразделениями батальона, а политрук стал заместителем командира по политической части.

О Козлове даже говорить не приходится. Боевой и героический парень. Отличный командир бронегруппы. Подобрал себе таких же парней. Вон один из его экипажей в одиночку в течение нескольких часов обеспечивал переправу наших сил через р. Брожка...

...Танковому взводу было поручено захватить и удержать мост. Перед рассветом танкисты с десантом на борту смогли прорваться к мосту, уничтожить охрану и занять позиции в ожидании идущих на прорыв остальных подразделений. Но немецкая артиллерия смогла подбить три из четырех

машин, уничтожить мост и отсекла наши штурмовые подразделения от реки. Парни оказались отрезанными от своих. Немцы пошли в атаку. Прикрываясь подбитыми машинами и складками местности, экипаж «троечки» смог подбить один танк и три бронетранспортера, а затем при поддержке уцелевших десантников сам перешел в контратаку и ворвался на позиции врага. Поливаемые пулеметным огнем и выстрелами танкового орудия, немецкие пехотинцы стали отступать. Танкисты смогли прорваться на позиции немецких минометчиков и навели там порядок, заодно расстреляв несколько грузовиков с солдатами. Разгром довершили десантники. Собрав трофеи, бойцы вернулись к мосту, оставив после себя десятки трупов гитлеровцев и покореженный металл. Еще дважды парни отражали атаки врага, собирая боеприпасы из подбитых машин. Когда почти все десантники погибли или получили тяжелые ранения, танкисты в одиночку продолжали удерживать позиции. Практически весь экипаж получил ранения. Только через два часа наши части смогли восстановить переправу и отбросить врага...

Ладно, если бы это был только один эпизод, но таких примеров вон целая куча собралась. Чего стоит огненный танковый таран у Паричей. Когда горящий Т-26 таранил немецкую «троечку»!

Или взять командиров боевых групп Сафонова и Маслова. Они со своими парнями не давали продыха немцам там, где только их встречали. Умело маневрировали подразделе-

ниями, били врага из засад в самых неожиданных местах. Не их вина, что пришлось отходить к укрепрайону. Что бы там ни говорили, а сила солому ломит. Какими бы героическими ни были бойцы и командиры, но устоять перед кадровыми и заведомо более опытными и сильными частями врага не всегда удавалось. Затормозить, заставить разворачиваться колонны врага в боевой порядок, держать его в постоянном напряжении, чем выиграть время, чтобы другие отряды успели занять позиции, да, могли, и часто это получалось. Но не более того.

Их бойцы были под стать своим командирам. Вон боец из группы Маслова, отражая танковую атаку немцев, за один бой ухитрился сжечь бутылками с зажигательной смесью четыре вражеских танка. И это в своем первом же бою. Парня из лагеря военнопленных в Лунинце освободили и направили в боевую группу Маслова. Немцы от Ивацевичей наступали. Захватив плацдарм и наведя переправу, они переправили через реку десяток танков и двинулись на окопы масловцев. За танками следовала пехота. Пехоту удалось отсечь пулеметным огнем. Когда первый танк приблизился к окопу, боец бросил гранату под ходовую – танк встал, в моторный отсек он забросил бутылку с зажигательной смесью, и машина загорелась, как факел. Перебегая по окопу с места на место и ища гранаты и бутылки, ему примерно так же удалось сделать с еще двумя танками. Четвертый танк стал утюжить окоп с героем, засыпая его землей, а когда, посчитав свою

задачу выполненной, двинулся с места дальше, получил зажигательную бутылку в корму. Парня, правда, спасти не удалось. Всего их рота в тот день подбила девять танков. Оставшаяся целой машина сбежала с поля боя. Опять-таки этот пример не единственный.

Как их всех забыть и не отметить в рапорте? Не за орденов воюем, но тем не менее...

В раскрытое окно прилетели запахи краски, которой бойцы бронегруппы перекрашивали вверенную технику, а то, пока машины шли к Гомелю, возникали казусы. Несмотря на наличие на броне красных звезд, находились индивидуумы, пытавшиеся ее подорвать. Две «троечки», прошедшие бой под Бобруйском и Паричами, пришлось ставить на ремонт. Да и трофейным грузовикам постоянно доставалось. Бойцы с неуравновешенной психикой стреляли по ним, принимая машины за прорыв фронта или немецкий десант. В армии с транспортом было плохо, поэтому по приказу полковника Третьякова грузовые автомашины и автозаправщики автороты, бронегруппы Козлова, тягачи артиллерийского и зенитного дивизионов были задействованы для доставки грузов в Бобруйск. Часть легкового автопарка использовалась штабом 21-й армии. Чтобы избежать ненужных потерь и дополнительной маскировки, вчера на совещании было принято решение перекрасить всю технику по схеме и цветовой гамме, предложенной Седовым еще под Брестом. Он, оказывается, Козлову показывал, что, где и какого цвета крас-

кой надо малевать. Вот бойцы и стараются воплотить все в жизнь, тренируясь на вышедшей из ремонта технике. Правда, техники стало куда меньше. Танки советских типов пришлось передать в понесшие большие потери танковые полки армии. Отдали все БТ и почти все пушечные Т-26. Даже те, что мы восстановили из брошенных и подбитых. Жалко было расставаться с таким трудом собранной техникой, но пришлось. Бронегруппе оставили все трофейные, специальные и модифицированные танки. Под это попали и оставшиеся в строю два Т-28, на которые умельцы из ремроты навесили дополнительное оборудование и защиту. Полковник Третьяков обещал, что вместо отданных машин получим новые, только что с завода. Хорошо, что танки отдали без экипажей, сохранив их для будущих боев. Как ни старались представители танкового полка забрать с собой самоходки и зенитки, собранные на базе безбашенных танков, но удалось их отстоять. Так как они попадали под понятие «специальные и модифицированные».

Отстояли и почти всю артиллерию. Начарт армии, увидев колонну орудий артдивизионов, тянущуюся к ж.-д. станции, наложил на корпусные орудия руку, сказав, что нам они по статусу не положены, кроме того, к ним снарядов у нас нет. Еще сказал, что обойдемся дивизионными орудиями УВС и противотанковыми сорокапятками. Пришлось отдать, этим отделавшись от остальных артиллеристов. Это он еще батареи 82-мм и 120-мм минометов не видел, а то бы

вообще шум поднял. Не зря их под тентами в кузовах автомобилей перевозили. У них тут каждый минометный ствол на учете, а про 120-мм минометы вообще говорить не приходится. Особый учет каждого идет. Но полковник Третьяков сказал, что отдаст остатки имеющейся в батальоне артиллерии только по личному приказу Наркома. Только этим и успокоил, а то начарт в Генштаб звонить собирался. Никто с нашим всесильным Наркомом ругаться не захотел.

Людьми тоже делиться пришлось. В части 21-й армии отдали всех бойцов штрафных полков и тех, кто раньше служил в частях этой армии. То же самое было и с бойцами из других соединений. Всех их направили на сборные пункты, откуда они должны были убыть в свои части. 18-му погранотряду без кассирования личного состава передали оба штурмовых батальона. Начштаба Алексеев был категорически против, говоря, что комбат считал их кадровым резервом личного состава батальона. Но полковник Третьяков приказал, и пришлось подчиниться. Правда, смухлевали немного. Алексеев подсказал, как сделать, чтобы лучших бойцов сохранить в составе батальона. Так как точной численности батальона никто не знал, штабная документация официально попала под бомбежку, а сохранившуюся надо было разбирать, часть бойцов задним числом перевели в подразделения батальона в состав боевых групп Сафонова и Маслова. Ну и что с того, что эти группы стали под тысячу человек? Так и задачи они решали соответственные. Третьяков не возму-

щался. А чтобы не задавали лишних вопросов, постарались их первыми же эшелонами отправить в тыл на пункт постоянной дислокации. Заодно отправили и так заинтересовавшую танкистов бронетехнику. Тем более что на железнодорожной станции скопилось достаточно пустых вагонов. За ночь отправили в сторону Москвы три эшелона с людьми и техникой с наказом двигаться к Москве как можно быстрее. Вовремя успели. С утра пораньше прибыла комиссия во главе с начальством из штаба армии оценить оставшуюся технику, да опоздала. На стоянке нашли только немецкие танцы и танковый металлолом, не подлежащий восстановлению. А то ишь, губы раскатали! Нам самим мало. Когда еще новая техника придет!

Вообще «огрabitь» батальон хотели многие, точнее, все, кому не лень! Начиная с автослужбы с тыловиками и кончая летунами. Конечно, пооставляв на оккупированной территории свои склады и базы, они теперь хотели на халяву урвать хоть что-то от счастливых обладателей трофейного добра. Много вопросов было по ремонтно-восстановительной роте. Мы там собрали отличных специалистов по разным направлениям: и оружейников, и мотористов, и технарей, и токарей, и сварщиков. И все они были нарасхват! Особенно на счет них наезжали танкисты и автобаты. Обещали бойцам золотые горы, но парни держались, менять место службы не спешили. Хотя пару человек все же пришлось отпустить. Тут поблизости их родные части стояли. Вообще ходатаи проси-

ли все, что только можно и нельзя, из имеющихся запасов. Трясли всевозможными бумагами с кучей подписей и печатей, давили на жалость. Но не прокатывало! Спасало подчинение непосредственно Москве и Наркому. Мы же не жмоты какие, и так поделились всем, чем могли.

Паршину вот приходилось хуже. Его группа была привязана к аэродромам. Много вывезти не удавалось. Самолеты летали перегруженные ранбольными, лишнего не положишь. А вывезти хотелось многое. Одни запчасти к самолетам чего стоили. У него были созданы специальные группы, что выезжали к местам падения сбитых самолетов и снимали с них все, что было возможно, в т. ч. дюралюминий, уцелевшие приборы, радиостанции, авиадвигатели, вооружение и боеприпасы, сливали топливо и масло. Боеприпасы сразу в дело шли, а вот с остальным была проблема. Его требовалось вывезти и сохранить. А еще были спецавтомобили — заправщики, «пускачи», автокраны, подвижные радиостанции и командные пункты, зенитные орудия и ремонтные мастерские, строительная техника и столь необходимое на аэродромах имущество, как маскировочные сети, кислородные баллоны, краска, инструменты, обмундирование и т. д. и т. п. Вывезти все это можно было только по земле. Это было одной из причин, почему весь автотранспорт батальона был задействован на доставке грузов в Бобруйск. Спецмашины, ненужные в деятельности аэродромов, на жесткой сцепке везли тягачи, остальное грузили в прицепы и кузо-

ва. Дело потихоньку спорилось, и на погрузочных площадках становилось все больше ящиков и иного имущества. Везли не только целое, но и поврежденное в боях. Так, сегодня днем доставили несколько поврежденных в ходе бомбежки 88-мм зенитных орудий. Ремонтники уверенно заявили, что их вполне можно починить. Для полной эвакуации батальона потребуется еще пара дней, так что постараемся все увезти, до чего руки дотянутся. Под авиационное имущество специально выделили несколько вагонов, что сейчас загружаются, да и платформ для специальной автотехники дополнительно заказано несколько десятков.

Вовка опять где-то по немецким тылам гуляет. Позавчера перед прорывом Третьяков сообщил, что в Могилевское областное управление НКВД обратились бойцы нашего батальона, доставившие рапорт и донесение от Седова. Да не просто стрелки, а бойцы автовзвода, прибывшие в город на своих трофейных грузовиках и вывезшие раненых. Сам Володя со своей группой держал оборону в полосе 110-й стрелковой дивизии. Пока в Управлении все проверили, пока сообщили в дивизию о необходимости срочно эвакуировать его группу в Могилев, обстановка резко обострилась и группа Седова снова оказалась отрезанной от своих. Так что встреча снова откладывается на неопределенное время.

Глава 9

«Что нового на фронте?»

6 августа 1941 года издан приказ НКВД войскам Запад-ного и Восточного боевых участков о мерах по дальнейшему обеспечению обороны на дальних подступах к Москве. Передовые отряды высылались на Лопасню, Кадынку, Кубинку. Войсками НКВД и опергруппами местных органов велось активное изучение местности будущих боевых действий.

Из беседы штабных офицеров Вермахта вечером 6 августа 1941 г., госпиталь под Барановичами.

– Ого, какие гости! Ты, господин полковник, меня не часто радуешь своими визитами!

– Прости, мой старый товарищ. Русские не дают возможности с тобой встречаться почаще. Мы переместились дальше на восток, поэтому и не получается к тебе заезжать. Твой лечащий врач меня уверил, что рана заживает и ты идешь на поправку. Нахождение в госпитале тебе явно идет на пользу.

– Отоспался. Ты же меня так часто гонял, что даже поспать как следует не получалось.

– Зря ты на меня так. Я как твой начальник и друг всегда был к тебе снисходителен. Как себя чувствуешь? А то твоя жена не даст мне спокойно жить, если я этого ей не сообщу.

– Неплохо. Свежий лесной воздух, хорошая еда и симпа-

тичные женщины творят чудеса. Врачи говорят, что дней через десять можно было бы вернуться в строй. Если, конечно, не будет осложнений.

– Это хорошо. Можно даже позавидовать. Я бы тоже здесь полежал, но не дают...

– Что, какие-то нерешаемые проблемы?

– Русские. Вот наша основная проблема на сегодня.

– Слуцк и Бобруйск?

– И они тоже. Хотя там все решается довольно успешно. Мы выдавливаем русских к укреплениям на их старой границе. Практически сейчас бои уже идут в предполье. Вернули себе контроль над железнодорожными линиями Барановичи – Лунинец и Минск – Бобруйск, там идут восстановительные работы. Очистили от русских прилегающие районы. Заодно кавалерийские части СС Фегеляйна совместно с подразделениями украинских и белорусских полицейских решают еврейский вопрос. Хочешь почитать сводки об этом?

– Не хочу, и так все понятно. Зная ребят из айнзацкоманд, частей СС и сотрудников местной вспомогательной полиции, примерно представляю, что они там натворили. Как там, кстати, идет формирование вспомогательной полиции?

– Неплохо. Мы очень заинтересованы в увеличении охранных войск и соблюдении порядка в тыловом районе. Поэтому и приняты меры по созданию «Ordnungsdienst» («Оди»; Odi «службы порядка»). Решено, что в зависимости от площади района и плотности населе-

ния количество полицейских не должно превышать пропорцию – 1 полицейский на 300 жителей. То есть при сельском управлении будет от 3 до 15 человек, в небольших городах от 40 до 50. Дополнительно из числа местных жителей нами создаются несколько десятков мобильных и стационарных подразделений по охране нашего тыла. Эти подразделения будут представлять собой пехотные и кавалерийские отряды численностью до 100 человек. Для руководства ими назначаем советских офицеров, согласившихся сотрудничать с нами, специально освобожденных для этого из лагерей военнопленных. Для формирования отрядов мы привлекли местных белорусских националистов Михаила Витушка и Дмитрия Космовича. По нашей просьбе несколько дней назад в Полесье состоялась конференция представителей украинского атамана «Тараса Бульбы» – Боровца из «Полесской сечи» и «белорусской национальной самообороны». Делегацию украинцев возглавлял хорунжий Петр Довматюк-Наливайко, который приехал на конференцию, чтобы установить с белорусами самый тесный контакт теперь и на будущее. С белорусской стороны в ней участвовали Василий Вир – бывший премьер-министр правительства Западно-Белорусской республики в сентябре 1939 года – и командиры некоторых отрядов самообороны и милиции – Яков Хоревский, Всеволод Радько и Михаил Витушка. На переговорах белорусы полностью согласились с предложенным планом по очищению всех полесских земель от русско-боль-

шевистского террора. Результатом конференции стало соглашение о совместных действиях против оставшихся в Полесской котловине советских частей, местных коммунистов, евреев, поляков и партизанских отрядов. Как понимаешь, мы это могли только приветствовать. Для проведения операций белорусы и украинцы должны сформировать летучие отряды. Для них украинцы пообещали предоставить 10 тысяч человек, еще 5 тысяч человек найдут белорусы. Мы рекомендовали Боровцу свой план очистки Полесья. После закрытия Слуцкого кармана его отряды без нашего участия должны очистить район Столин – Сарны – Олевск – Овруч. Белорусы займутся всеми районами на восток от линии Слуцк – Лунинец в направлении Мозыря. Ориентировочно операция должна начаться 20 августа. Мы вмешиваться в проведение акции не будем. Пусть они все сделают сами, а мы наблюдаем со стороны. Когда они все сделают, выполнят все рекомендованное, тогда и возглавим уже готовые полицейские формирования. Белорусы, как и остальные племена украинцев и прибалтов, глупо надеются на какую-то национальную свободу и автономию. Этого не будет! Фюрер однозначно сказал об этом. Пусть пока делают за нас грязную работу, а потом мы укажем им их подлинное место. Я тебя не утомил?

– Нет. По поводу боев у Слуцка я в курсе. Сюда оттуда привозят раненых. Насколько это все затянется?

– Недели на две. Командование старается избежать больших потерь среди личного состава. Войска действуют в ос-

новном артиллерией и разведгруппами. Выявляется очаг обороны русских и накрывается артиллерией, дальше действуют штурмовые группы. По нашим сведениям, у русских очень большие проблемы и им приходится оставлять занятые позиции. Генералу Константинову не позавидуешь. Хотя он своей солянкой очень насолил командующему войсками оперативного тыла группы армий «Центр» генералу фон Шенкендорфу. Наши резервные 162-я, 252-я и 87-я пехотные дивизии, занятые на уничтожении Слуцко-Бобруйской группировки русских, тоже не в восторге от происходящего. Этого же мнения придерживаются 260-я, 134-я, 255-я, 45-я пехотные дивизии. Им приходится с фронта отражать атаки 21-й армии русских и заодно беспокоиться о своем тыле, защищаясь от русских в Полесье и Бобруйске.

Несколько дней назад в районе Паричи русскими согласованным ударом с фронта и со стороны Бобруйска прорван фронт. Они при этом применили большое количество танков и авиации, несколько мониторов Березинского отряда речных кораблей. Коридор сейчас шириной в несколько десятков километров. Через него русские выводят своих раненых и местное население, получают грузы. От расширения коридора спасает то, что отряды русских малочисленны и местность не позволяет им активнее применять свои танковые и подвижные соединения.

– Неужели у русских на этом направлении еще остались механизированные части?

– Остались, и они не дают покоя командованию.

– Понятно, а что на других направлениях?

– От Витебска до Мстиславля идут тяжелые бои. 3-я танковая группа Шмидта прорвала оборону 19-й и 22-й армий русских, заняли Полоцк и Витебск. Сейчас она пытается прорваться к Смоленску. Модель своими 46-м и 47-м моторизованными корпусами прорвал оборону 13-й и 20-й армий русских. Занял Оршу, Красный, Горки и Дрибин. Бои идут за Мстиславль и Ходосы. 12-й, 13-й и 24-й армейские корпуса тоже начали наступление на Чаусы и Пропойск.

– То есть, я так понимаю, он хочет окружить Могилев и вый ти к Кричеву и Рославлю?

– Да. Планируется несколько котлов. У Смоленска для 19-й и 20-й русских армий силами 2-й и 3-й танковых групп и у Могилева для 13-й, 4-й и 28-й советских армий силами наших 46-го, 7-го и 9-го армейских корпусов во взаимодействии, конечно, с остальными частями Быховского выступа.

– Не слишком ли много котлов? Русские не будут просто так на это смотреть, сам же говоришь, у них остались механизированные корпуса. Тем более у них есть опыт выхода из Белостокского котла.

– Они и не смотрят. У Смоленска ими создана сильная оборонительная полоса, опираясь на нее, русские постоянно контратакуют. В районе Красного 5-й мехкорпус русских остановил продвижение нашего 47-го моторизованного корпуса. У 29-й моторизованной дивизии очень большие поте-

ри в технике и людях. Давая возможность отступающей 19-й армии занять новый рубеж обороны, 7-й мехкорпус русских ударил в районе Витебска и приостановил продвижение 39-го моторизованного корпуса. 46-й корпус завяз в боях с 4-й армией русских у Мстиславля. Остатки 10-й армии Советов, отведенные на переформирование в район Хиславичи – Монастырщина, сдерживают продвижение частей 9-й армейского корпуса в направлении Починок. Вообще у меня сложилось впечатление, что русские ждали нашего удара в направлении Смоленска и Могилева.

– Почему?

– Во-первых, русскими заранее были подготовлены оборонительные позиции на направлениях наших ударов. Там была сосредоточена их противотанковая артиллерия. Во-вторых, все перечисленные мной армии входят в состав 1-го и 2-го стратегических эшелонов русских. Так вот, за ним стоят войска 5 новых армий 3-го стратегического эшелона. В основном это части НКВД из внутренних округов. Так называемый Резервный фронт. Первоначально он создавался маршалом Буденным, но Сталин его отозвал командовать всей русской кавалерией, что сразу сказалось на ее активности. Русские смогли бросить на наши коммуникации несколько своих кавдивизий, и теперь войскам постоянно приходится заботиться о своем тыле и усиливать охрану коммуникаций. Если говорить о частях фронта Резервных армий, то ими сейчас командует наш старый знакомый генерал-лейтенант

НКВД Богданов, бывший командующий войсками Белорусского пограничного округа. Начальником штаба у него генерал-майор Ляпин, бывший начштаба 10-й армии русских.

– Что у них в подчинении, известно?

– Да. Московская агентура и разведка смогли довольно полно дать о них сведения.

29-й армией командует бывший заместитель Берии по войскам, начальник Главного управления Оперативных войск НКВД генерал-лейтенант НКВД Масленников. У него пять дивизий: четыре стрелковые дивизии – 69-я, 256-я и 254-я дивизии НКВД и 245-я дивизия РККА и 69-я моторизованная дивизия. Из артиллерии – два корпусных артполка, три артполка ПТО. Авиация представлена одним истребительным и одним бомбардировочным полками, одной эскадрильей на штурмовиках Ил-2. Армия обеспечивает стык с Северо-Западным фронтом в районе Старая Русса, Бологое, Холм.

30-й армией командует бывший начальник войск Украинского пограничного округа генерал-майор НКВД Хоменко. Она состоит тоже из четырех стрелковых дивизий: 243-й и 251-й дивизий НКВД, 119-й и 242-й дивизий РККА и 51-й танковой дивизии. Артиллерия представлена одним корпусным артполком и двумя полками ПТО. Армии приказано оборонять направления на Торопец, Калинин, Великие Луки, Ржев и Волоколамск.

24-й армией командует бывший начальник войск Прибал-

тийского пограничного округа генерал-майор НКВД Ракутин. У него 10 дивизий, 7 артполков и 4 артполка ПТО. Она должна оборонять направление Ярцево – Вязьма – то есть прямой путь на Москву. Номера дивизий и артполков уточняем.

Ну и в резерве у них еще 31-я и 32-я армии. 31-й командует бывший начальник войск Карело-Финского пограничного округа генерал-майор НКВД Далматов. 32-й армией командует генерал-лейтенант РККА Клыков. Точных данных об их составе пока нет. Вроде бы в ее составе должны быть русские ополченческие дивизии из Москвы.

Все армии и перечисленные части НКВД сформированы в июле этого года. Берия сформировал пятнадцать стрелковых дивизий НКВД и передал их в действующую армию. Кроме номеров тех, что я перечислил ранее, нам известны и остальные: 244-я, 246-я, 247-я, 249-я и 250-я стрелковые дивизии; 15-я, 16-я, 17-я, 26-я, 12-я горнострелковые дивизии. Возможно, именно они и входят в 31-ю и 32-ю армии. Какие-то из этих соединений НКВД они оставят для обороны своей столицы, но остальные точно пошлют в бой. Кроме того, по нашим сведениям, из глубины России продолжают поступать вновь сформированные части и соединения.

– Очень интересно. То есть против примерно 60 наших дивизий русские сейчас могут нам противопоставить около полутора сотен своих соединений. Пусть эти дивизии новые и перестроенные. Тем не менее они вымотают и вы-

бьют наши ударные части. Ты же сам привел пример с 29-й моторизованной дивизией. Тогда это полная глупость – сейчас наступать на Москву. Было бы более эффективно ударить в тыл Юго-Западному фронту русских и освободить группу армий «Юг» для последующего совместного удара по Москве.

– Да, это не совсем разумно. Мы говорили с Адмиралом об этом. Направление удара выбрал сам фюрер. У многих в верхах есть желание как можно скорее закончить войну захватом Москвы. Все рассчитывали, что в течение 8–10 недель будет сломлена военная мощь России. Однако прошло более месяца, а конечная цель похода пока не достигнута. Под нашими ударами Россия продолжает держаться. С политической точки зрения захват их столицы мог бы вызвать политический крах власти Советов. Хотя влияние Гитлера на Генштаб пока еще не так велико, тем не менее он его поддержал. Кроме того, есть еще одна проблема. С начала июля в тылу Западного фронта от Брянска до Гомеля и от Брянска до Орла и Курска русские создают сильные полевые оборонительные укрепления, насыщенные противотанковыми рвами и ежами. С учетом боев в Пинских болотах и у Мозырского УРа у наших частей может возникнуть проблема с их штурмом. Они понесут большие потери в людях и технике. Хотелось бы этого избежать. Разведка вскрыла прибытие туда крупных сил и пополнений. С учетом Слуцко-Бобруйского «языка» это может быть опасно. Поэтому принято ре-

шение по активизации действий наших корпусов в отношении 21-й и 3-й русских армий с тем, чтобы не дать возможность перебросить резервы к Смоленску, Могилеву и Кричеву. Наш удар на Смоленск пришелся на потрепанные в боях и сравнительно ослабленные дивизии русских. Поэтому и есть результат. Модель вообще предлагает не ввязываться в бои за Смоленск, а обойти его с юга и ударить на Ельню и Ярцево, чтобы там завершить окружение русских частей, обороняющихся под Смоленском. После этого можно было бы на центральном участке фронта временно перейти к обороне, используя после восстановления танковые и моторизованные соединения на юге или севере. Наиболее перспективным он считает юг. Фюрер был на совещании в Борисове, где высказался в том же ключе.

– Не боишься, что русские могут нанести удар в районе Быхова в тыл 2-й танковой Группы?

– Такие мысли были, но после некоторых раздумий они сняты с повестки дня. Сильная, насыщенная новыми танками и артиллерией 28-я армия Качалова пыталась прорвать наш фронт из района Чаусы в направлении на Быхов. Сначала русским это удалось, на отдельных участках они продвинулись на 40–60 км. Но дальше были встречены нашей пехотой, и продвижение этих войск остановилось. То же самое можно сказать и о действиях остальных русских армий. Сложилось мнение, что русские не умеют действовать своими крупными механизированными частями.

– Понятно. Я тут заметил особенность...

– Если ты о назначении генералов НКВД на должность командующих армиями, то ты не один такой умный. «Лис» об этом прямо сказал. Он не думает, что у Сталина остро стоит «генеральский голод». Была высказана мысль, что у Сталина некоторое недоверие к армейскому командованию, возникшее на фоне отступления его армий и больших потерь в территории, людях и технике. Поэтому он так часто меняет командующих армиями и фронтами. Так, Жуков снят с должности командующего Белорусским фронтом и назначен руководить Северо-Западным фронтом. Вместо него фронтом командует генерал Конев. Генерал-полковник Кузнецов, до того командовавший Северо-Западным фронтом, возвращен на преподавательскую должность в академию. Маршал Тимошенко тоже лишился должности командующего фронтом, но он назначен с повышением. Теперь руководит войсками сразу четырех фронтов Западного направления – Белорусского, Центрального, Западного и Резервного.

– Возможно, и так. Я думаю, что не стоит говорить только об этом. Мне кажется, что РККА в основном показала свою слабость как в обороне, так и в наступлении. Поэтому Сталину и пришлось бросать в бой своих «преторианцев». Надеюсь, ты не будешь отрицать их лучшую боевую подготовку по сравнению с регулярной армией Советов? Пример «мясников» об этом ярко говорит.

– Не буду. Но все-таки «мясники» – это не все войска

НКВД. Слава богу, пока у русских не так много таких подразделений. Раз уж мы заговорили о «мясниках». Следы 132-го батальона НКВД найдены сразу в нескольких местах. У меня сложилось впечатление, что мы далеко не все знаем об этой части. Под этим названием скрыто более крупное соединение специальных сил русских, чем батальон. Под Бобруйском в ударе на Паричи действовала бронегруппа НКВД силою, равной танковому батальону РККА. Там же отмечено действие артиллерийского соединения 132-го батальона НКВД численностью в артиллерийскую бригаду. Ну, о действиях штурмовых подразделений ты сам мне рассказывал. Факт присутствия этих частей подтвержден осмотром трупов и подбитой техники. Несколько русских танков было подбито и осмотрено нашими солдатами в районе Паричи. Членов экипажей взять живыми в плен не удалось, они стараются в плен не попадать. Осмотр трупов, их личных вещей и подтвердил присутствие этого батальона.

– Что-то много для отдельного батальона. Минимум бригада?

– О чем я и говорил. Но это не все. Севернее Могилева в селе Благовка рядом с Городищами в течение суток совместно с отрядом 425-го стрелкового полка 110-й стр. дивизии русских держал оборону сильный отряд 132-го батальона НКВД. Установить это удалось после допроса пленных и изучения документов и личных вещей трупов. У нескольких погибших найдены жетоны этого батальона. Кстати, опять-

таки нестандартные для РККА.

– Пленные из числа солдат батальона? Численность отряда известна?

– Пленные из стрелкового полка. На месте боя с сотрудниками НКВД нашли только могилы с указанием фамилий погибших и их воинскую принадлежность к этому батальону. Вскрывать могилы наши офицеры не стали. Всех раненых русские, видимо, вынесли с собой. Численность отряда примерно 300–400 человек. Их запомнили из-за нестандартного обмундирования и большого количества автоматического оружия. Против них действовали подразделения дивизии СС «Райх», понесшие очень большие потери. После боя русские отошли в глубь леса, им удалось оторваться от преследования. Установлено, что часть своих раненых они отправили на машинах в Могилев. Возможно, после взятия города станет что-то еще известно. Ждать осталось совсем немного. Бои идут в городских кварталах...

Глава 10

Окруженцы

7 августа исполняющий обязанности начальника оперативных войск НКВД СССР генерал-майор НКВД А. Аполлонов подписал приказ об использовании частей внутренних войск для борьбы с десантами противника. Приказом командующего Московским военным округом Москва и районы области в радиусе 150 километров вокруг столицы разбивались на сектора. Начальники секторов для ликвидации десантов должны были использовать специально выделенные для этого воинские части РККА и внутренние войска НКВД. Необходимо было обеспечить их правильное взаимодействие: командирам частей НКВД, находящихся в 150-километровой зоне, в соответствии с указанным приказом дать распоряжение об установлении связи с начальниками секторов, руководящим составом местных органов безопасности.

Командиру 161-й стрелковой дивизии полковнику Михайлову А. И.

РАПОРТ

Докладываю, что сегодня 07.08.1941 г. в 03.46 утра на занимаемые полком позиции из тыла войск противника вышла группа бойцов и командиров РККА в количестве 410 (че-

тыреста десять) человек и 75 гражданских лиц.

При этом ими уничтожено передовое охранение противника в количестве шести солдат и ефрейтора, захвачен танковый пулемет. Кроме того, бойцами были доставлены 28 (двадцать восемь) солдат противника, ранее захваченных в тылу врага.

Вышедший группой бойцов и командиров командовал политрук Севостьянов А. В. – инструктор полит отдела 53-й стр. див. 61 стр. кор. 13-й армии.

Всего в составе группы Севостьянова насчитывается: 5 (пять) командиров РККА в званиях от лейтенанта до капитана;

283 (двести восемьдесят три) бойца различных частей и соединений РККА из состава 3-й и 13-й армий;

121 (сто двадцать один) военнослужащий войск НКВД, вышедший совместно с бойцами группы из вражеского тыла.

Личный состав группы сведен в три роты – две состоящие из бойцов РККА и роту бойцов войск НКВД.

Рота НКВД состоит из бойцов 132-го отдельного батальона конвойных войск НКВД (108 человек) и бойцов пограничных войск НКВД (13 человек) под общим командованием лейтенанта Седова (ком. вз. 333-го стр. полка 6-й стр. див. 4-й армии). Подразделение принимало участие в боях за Брест, на государственной границе и на территории Белоруссии.

На вооружении группы имеются:

Роты РККА – шесть станковых и девять ручных пулеметов разных систем, в том числе – один станковый и три ручных – трофейные. Одиннадцать пистолетов-пулеметов (семь трофейных). Двести шесть винтовок и карабинов (восемнадцать трофейных карабинов «маузер»). Пистолетов и револьверов различных систем – девять, в т. ч. два трофейных.

Рота НКВД – четыре трофейных – 50-мм миномета. Три трофейных противотанковых ружья. Пулеметы – три станковых и двенадцать ручных (все трофейные). Двадцать один пистолет-пулемет (семь трофейных). Сто восемнадцать трофейных карабинов «маузер». Шестнадцать снайперских винтовок (в т. ч. десять трофейных). Двадцать восемь автоматических и самозарядных винтовок. Пистолетов и револьверов различных систем – семьдесят два (трофейные – 53).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.